

А. ПОПОВ

ТЕКСТЫ

А. ПОПОВ

Тексты

«Издательские решения»

Попов А.

Тексты / А. Попов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903028-3

Благодарности Автор выражает благодарность судьбе, карме, окружающим людям и просто счастливым обстоятельствам, которые иногда позволяют писать тексты. От имени последних, как их родитель, выражаю глубокую благодарность читателям. Тексты живут, когда их читают.

ISBN 978-5-44-903028-3

© Попов А.
© Издательские решения

Содержание

Банаракипол	6
96—18	12
Сестра	21
Куртка	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Тексты

А. Попов

Иллюстратор Ольга Владимировна Суворова

© А. Попов, 2018

© Ольга Владимировна Суворова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-3028-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Следующий текст, возможно, стоило бы позиционировать как предисловие ко всему, что я набил на компьютере. И не только я. Но это было бы нескромно.

Банаракипол

Случалось ли вам испытывать непреодолимое желание читать?

Не так давно я посетил место, где такое желание возникает в очень острой форме. Это был городок, скорее, даже поселок, очень далеко заброшенный от нашей привычной жизни, но, несмотря на это, совершенно неинтересный.

Поселок назывался Банаракипол. Сие странное слово я впервые услышал от своего начальника, который как бы между делом, глядя куда-то в ящик стола, буркнул:

– Завтра поедешь в Банаракипол.

– Бара?.. – попытался переспросить я.

И шеф сурово посмотрел на меня. Словно только что заметил, что я сижу в его кабинете прямо напротив него. Надо сказать, что, когда он на меня так смотрит, у меня в голове рождается странная сюрреалистическая картина: он, мой шеф, великански возвышающийся над страной и ее окрестностями, по-хозяйски взирает на все это и выискивает во всем многообразии открывшегося пейзажа самое темное и мрачное место. А когда находит, радуется чему-то своему, и его толстая рука в любимом им полосатом пиджаке хватает меня, такого маленького и беззащитного, своими толстыми пальцами и, на миг вознеся над просторами, решительно помещает именно в это место.

– Возьмешь все, что тебе нужно, – отрезал он. – Поработать там тебе придется дней десять. Билет уже заказан. И... – в его суровом деловом облике на миг мелькнула искра чего-то человеческого, – не раскисай там.

Я был озадачен таким напутствием. И, признаться, заинтригован.

Если вы не против, я не буду рассказывать о своей работе. Замечу только, что я считаюсь хорошим специалистом, пусть молодым, но уже достаточно опытным, чтобы самостоятельно выполнять самую сложную выездную работу. Этим последним моим качеством шеф пользуется чаще, чем мне бы того хотелось, но платят нормально, и я обычно не сопротивляюсь. Однако, посылая в самые гиблые места, шеф еще никогда не опускался до того, чтобы меня подбодрить. Пусть даже не так щедро.

Поэтому я был внимателен. Вы, наверное, замечали, что, если быть внимательнее, чем обычно, начинаешь замечать много странных вещей. Первая странность, которую я заметил, заключалась в том, что поезд туда ходил раз в три дня. Причем так, что, отправляясь из города, куда я прилетел, он не останавливался в том месте вообще, а останавливался только на обратном пути. Причем конечный пункт, из которого этот поезд следовал, я не смог найти на карте. Но это была только первая странность.

– Туда нужно идти на лодке, – посоветовал мне какой-то бородатый детина, с которым мы разговорились в вокзальном буфете. – Там недалеко большая река. По ней ходит теплоход, и часть пути можно проплыть на нем. Затем выйти в каком-нибудь порту и дальше на попутке.

– Это сложно, – поморщился я и задумался. А задуматься было с чего. Из всех встретившихся мне на вокзале людей, включая кассира, носильщиков и начальника смены, этот бородатый был единственной персоной, кто слышал название того поселка.

На станции, где согласно схеме движения поездов (на ней Банаракипол все-таки был обозначен) следовало сделать пересадку на обратный поезд, я долго искал здание вокзала. Все посылали меня почему-то совсем не туда, пока кто-то не указал на полуподвал приземистого светлого дома. Глубоко сомневаясь в полученной информации, я все же туда зашел.

– Ваш врач умер, – скорбно и торжественно проговорила женщина в синем халате. Она сидела за высоким столом, и сводчатый потолок позади нее смутно светился.

– Что ж, это грустно, – ответил я и вышел на улицу. По-видимому, в том месте здания вокзала не было вообще.

Зато в Банаракиполе он был. Точнее, это было большое длинное здание в четыре этажа, которое вытянулось вдоль всего перрона. В этом здании, кроме вокзала, был ресторан, парикмахерская и многое, многое другое. В общем, это был целый культурный центр.

Я жил в гостинице – таком же длинном здании неподалеку. Размеры гостиницы были существенно меньше, но архитектура обоих зданий была поразительно схожа и напоминала перевернутый вверх килем корабль или просто подводную лодку. Заимствованной из проекта какого-то «Наутилуса» выглядела и внутренняя планировка сооружений: длинные коридоры с лестницами, железные перила, серый металлический оттенок стен и вытопанные бесцветные дорожки на полу.

Несмотря на унылость красок и почти полное отсутствие деревьев, Банаракипол не производил грустного впечатления. Точнее, он вообще не вызывал эмоций. Такое восприятие можно было бы объяснить тем, что у меня было много работы, но эта работа была для меня привычной и, как правило, никогда не мешала чувствовать «дух места». Но, как я сейчас ни напрягаю память, не могу вспомнить никаких чувств, кроме обычного ожидания, смешанного с любопытством.

Ничего примечательного не было и в живущих там людях. За исключением того, что все они, как мне иногда казалось, были там не по своей воле. Данному чувству трудно найти убедительное объяснение, кроме того что не по своей воле там оказался я сам, тем более что жители Банаракипола казались весьма приятными и культурными людьми. Они улыбались при встрече, были внимательными и готовыми к сочувствию. В обычной ситуации я был бы рад удовольствию поболтать со многими из них, но обстоятельства складывались так, что большую часть времени мне приходилось проводить в одиночестве.

Несколько свободных часов появилось только в конце моего пребывания в городе. Именно тогда я почувствовал некий дискомфорт. Это было труднообъяснимое чувство отсутствия чего-то, какой-то неуют, природу которого я понял только тогда, когда случайно услышал от хозяина гостиницы, что в здании есть библиотека.

Библиотека! Длинные ряды книг, которые можно брать, перелистывать, пытаюсь понять, что кроется за интригующими оглавлениями и маловразумительными фрагментами, наскоро вычитанными из середины. Да, моя реакция на это слово оказалась неожиданно сильной, следовательно, проблема была именно в этом.

Моя учительница говорила, что чтение – это упорядоченная работа воображения или мысли – в зависимости от того, что вы читаете. Люди, привыкшие читать, по-видимому, ощущают отсутствие этой упорядоченности и нуждаются в ее поддержании. Не хочу судить, хорошо это или плохо, но вдруг выяснилось, что я в этом тоже нуждался, мне даже показалось, что если я начну что-то читать, то обязательно узнаю нечто очень важное для себя, причем, если не сделаю это сейчас, возможность узнать это важное будет безвозвратно упущена.

Короче, сообщение о наличии библиотеки я воспринял с энтузиазмом и отправился на ее поиски сразу же после обеда. Однако в тот раз я обедал поздно, кроме того, не сразу нашел нужный этаж и дверь, и когда наконец увидел аскетичную табличку из оргстекла, оказалось, что библиотека уже закрыта.

– Она придет завтра после тринадцати, – сообщила уборщица. – Будет весь вечер.

На следующий день я закончил свои дела намного раньше, чем обычно, и появился там около четырех или пяти дня.

– Она очень влюбилась в Пахилу, – буркнула все та же уборщица, которая что-то ожесточенно терла перед дверью. – У тебя ничего не получится.

Было ясно, что она перепутала меня с каким-то ухажером библиотекарши, и я ничего не ответил.

Дверь была открыта, но, войдя внутрь, я не увидел там привычного столика библиотекаря и в его поисках начал осторожно обходить длинные высокие помещения, в которых размеща-

лись стеллажи с книгами. Один из проходов оказался шире, чем остальные, и, идя по нему, я обратил внимание на большую книгу в затертом переплете из желтого картона. Книга была высоко, а ничего такого, на что можно было бы встать, не нашлось, поэтому, чтобы снять ее, мне пришлось осторожно забраться по стеллажам. А когда я спустился и раскрыл книгу, то сразу понял, что ее необходимо успеть прочитать.

– Вам не нужно было наступать ногами на книги. Здесь есть лестница, – сказала мне девушка, работающая библиотекарем. Она была невысокой, плотной и складной, причем в первую очередь в глаза бросалась именно эта складность. Ее светло-русые волосы были уложены в старомодной прическе, а дешевые очки мало шли ее умному живому лицу. Удивительно, но она мне сразу очень понравилась, и я почувствовал легкую досаду от того, что она влюблена в какого-то Пахилу.

– Я бы очень хотел почитать эту книгу, – попробовал оправдаться я.

Мне нравится общаться с красивыми женщинами. Хотя бы потому, что это один из тех редких случаев, когда при встрече с человеком можно испытывать к нему реальный, и часто взаимный, интерес и действительно общаться. Сложилось так, что последние годы я имел дело с обеспеченными, ухоженными и яркими представительницами слабого пола. У них был один недостаток: всегда, когда я их видел, они знали, что сказать и как себя вести. Поскольку я это знал тоже, такое общение было однообразным и скучноватым – ведь знание такого рода безлично. А эта девушка была совершенно другой. В ее жестах, интонации, выражении лица было вообще мало чужого знания и очень много ее самой. Она была как бы раздетой от всего того, что мы берем от других или из фильмов, газет и телевидения. И оттого – открытой, беззащитной и смелой.

Кстати, телевидения в Баранакиполе, кажется, вообще не было.

– Извините, но вы не можете взять сейчас эту книгу, – мягко ответила она. – На нее записан один из наших постоянных читателей. Сейчас его очередь.

– Мне нужно не надолго, хотя бы на два дня, – стал каянчить я.

– Ничего не могу сделать. Но вы можете записаться на эту книгу и взять, когда подойдет ваша очередь.

– Это несправедливо! – резко заявил я, с удивлением понимая, что начинаю скандалить. Огорчение таким поворотом событий оказалось неожиданно сильным. – Книга лежит на полке, почему я не могу ее взять?

– Я вам объяснила, книга занята.

– Я скоро уезжаю и не могу стоять в этой очереди. А книга мне очень нужна.

– Она нужна не только вам.

Стало ясно, что мои шансы на чтение невелики. В ее словах была уверенность в том, что она поступает справедливо и, сохраняя эту книгу для какого-то постоянного читателя, совершает большое доброе дело, но я не сдавался.

– Постоянный читатель может подождать, а я нет!

– Вы можете выбрать что-то еще.

– Он тоже.

– Нет. Извините, но книга отложена для него.

– Не понимаю, – признался я, потому что действительно ничего не понимал. – Это редкая сложная книга. Кто он такой, этот ваш читатель, что ему надо прочитать эту книгу на день раньше?

– Он очень благородный, тонкий и возвышенный человек, – тихо ответила она.

«А я нет?!!» – чуть было не заорал я. Но вовремя сдержался. И только не менее тихо заметил, что это абсурд. Меня осенила догадка, в свете которой любые крики становились бессмысленны. Очевидно, это был тот самый тип, в которого она влюблена. Тогда, конечно, он

самый возвышенный и благородный. И обратного не докажешь, будь он на самом деле главным идиотом из идиотов.

– Эта книга очень ему нужна, – виновато сказала девушка. – Если он ее прочитает... Понимаете, никто здесь не знает, какой это человек. Все думают, что он простой, недалекий и глупый, но я вижу... Я знаю! Когда он прочитает это, все сразу поймут, кто он на самом деле. Его будут уважать, над ним никто не будет смеяться... Ведь он внутри такой нежный.

– Да, я внутри не такой нежный, как он! – вырвалось у меня, и я пошел искать себе другое чтиво.

Но чтиво не находилось. Большая часть библиотеки оказалась забита какими-то отчетами, описаниями и справочниками. Они были написаны очень странно, содержали множество ссылок друг на друга, и их можно было читать практически с любой страницы. Другие книги были просты, глупы и банальны. Их страницы раздражали и наводили скуку. Но я принял твердое решение не покидать библиотеку, пока не найду что-то стоящее.

Иногда сквозь щели в стеллажах я видел библиотекаршу, подглядывал, как она смотрится в зеркало, поправляет прическу, волнуется. И мне было очень обидно, что это симпатичное и нежное существо так волнуется не из-за меня. Меня для нее как бы не было, и мой облик для нее ничем не отличался от какого-нибудь стеллажа или стены. Досадная помеха, появившаяся в ее жизни в такой важный день.

В библиотеку больше никто не заходил. Возможно, в этом городе-поселке в нее вообще не ходили. Разве что в гости к этой девушке. Реплики уборщицы и порядок на стеллажах подтверждали эту догадку. Было ясно, что в такой ситуации мое присутствие в сем заведении является странным и нежелательным, но я держался своего решения. Тем более что, судя по всему, скоро должен был прийти этот Пахила. И как знать, может быть, с ним удастся договориться?

Пахила пришел минут через сорок. Я заметил его появление раньше, так как она в тот момент отошла куда-то вглубь помещения, возможно в уборную, где находились большое зеркало и умывальник.

Это был мужик неопределенного возраста, внешне вполне годившейся ей в отцы. Худощавый, с низким лбом и зачесанными назад редкими волосами, сей тип производил впечатление человека занятого чем угодно, но только не умственным трудом. А мешковатый костюм из серой материи и неуклюжие буратинообразные жесты усиливали это впечатление до чувства яркой несуразности.

Войдя в библиотеку, он с шумом остановился, вздохнул и уставился на пустой стол.

– Простите, можно вас на минутку? – поманил я его из-за стеллажа.

– Меня? – удивился он и с хлюпаньем сглотнул. – Мне очень некогда. – Его невидящий взгляд скользнул мимо и снова сосредоточенно уставился на пустое место библиотекарши.

– Мне это крайне важно! – тихо, почти шепотом сказал я. – Вам отложена книга, которая мне очень нужна. Не могли бы вы одолжить ее хотя бы на один день?

– Книга? А какая такая книга? Мне тоже нужна книга, – с беспокойством ответил он. Его взгляд из сосредоточенного превратился в неуверенный, затем в злой. Но, словно опасаясь чего-то, он устремил свой злой взгляд куда-то в угол, а не на меня.

– Это такая большая книга в желтом картонном переплете. Такая старая и пахнет клопами... Одолжите мне ее на один день.

Пахила задумался. Вообще в нем действительно было что-то красивое и даже благородное. Но только если он молчал и не двигался. Одиноким жалким человеком, погруженный в свою глупость. Более неподходящего кандидата в любовники этой девушки вообразить было сложно. Однако нашла же она в нем что-то! Или просто никогда не разговаривала?

– Извините! – неожиданно громко произнес он и прокашлялся.

За стеллажами послышался топот ног, вскрик «Ой! Я сейчас!», и появилась библиотекарша.

– Здравствуйте! Извините! Я тут... Заходите, заходите, пожалуйста, – радостно защебетала она.

Я не люблю преувеличивать, так что прошу мне поверить. В тот момент в ней было столько нежности, что, будь она направлена на меня, я бы просто утонул.

Пахила тоже что-то почувствовал. Он прокашлялся, поправил пиджак и сделал несколько шагов в ее сторону.

– Здравствуйте, – неестественно мягко произнес он.

И между ними произошел примерно такой разговор. Я не актер, не писатель и не художник, но будь я ими всеми одновременно, я все равно бы не смог передать то странное впечатление, которое он на меня произвел. Поэтому просто расскажу вам о нем так, как описывал бы сцену из какого-нибудь крутого авангардного фильма.

– А я вас ждала, – сказала она.

– А я вот зашел, – ответил он и стал рыться рукой внутри пиджака.

– Очень рада, что вы пришли.

– Я тоже. – По-видимому, внутри пиджака у него что-то застряло и никак не вынималось. В этот момент он почему-то напомнил мне куклу. Неуклюжую жалкую куклу, в которой вдруг ожила надежда на что-то красивое и великое, и она, игнорируя подпорки и ниточки, попыталась самостоятельно двигаться и говорить. – Понимаете, я много думал... ну, это... о вас.

– И я тоже. Я тоже о вас много думала. И... подобрала вам очень интересную книгу.

– Я тоже... – Внутри пиджака что-то наконец отцепилось, и Пахила извлек из него наружу большую красную розу с множеством шипов, которыми она очевидно и цеплялось за все внутри. – Я тоже вам... ну, в том смысле, что вот, – и он протянул розу библиотекарше.

Нужно отметить, что он сделал это по-своему красиво. И на удивление искренне, словно внутри его деревянного тела что-то оттаяло, стало гибким и живым.

– Спасибо, – засияла та.

– И вот я, значит, зашел, – заключил он в нерешительности. И вдруг выпалил: – Есть ли у вас что-нибудь про дизели?

– Про дизели?

Кукла замерла, потеряла равновесие и начала встревожено нащупывать неосторожно оставленные подпорки и ниточки.

– Да. Мне давно надо было. Потому что они так устроены... – и на его лице появилось прежнее выражение.

– Я, к сожалению, никогда не читала про дизели, – встревожилась она. – Наверное, это очень интересно?

– Интересно. Мне давно интересно. Особенно почему он на низких оборотах так стучит и дергается, – подтвердил Пахила и даже показал, как это происходит.

Выражение страха перешло в выражение боли. Но только на мгновение. Потому что, когда она подняла на него глаза, в них снова были любовь и терпение.

– А я подобрала вам очень интересную книгу, – заговорщицки произнесла она и смело посмотрела ему в лицо. – Простите, что я позволила себе некоторые догадки. Я знаю, что вы никому не говорите, но я вижу... я вижу, что вы только притворяетесь таким. Смотрите, это то, что вам нужно, то, что обязательно вам понравится, – и она протянула ему ту самую книгу в желтом переплете. Ту самую, которую я умолял отдать мне.

– Что это? – вытаращился Пахила. Кукла закачалась, и ее руки-ветки стали лихорадочно искать, за что ухватиться. Он посмотрел на нее, потом снова на книгу, и у него на лице появилось выражение полного идиота. – Что вы мне даете? – злобно вскричал он. – Это же... И вы что, предлагаете такую книгу мне?

Она заплакала.

– Безобразие! Я все расскажу вашему директору! – очумело прокричал Пахила и зачем-то понюхал переплет. – Она пахнет клопами!

И из его испуганных и растерянных глаз тоже потекли слезы.

– Я... вы... я думала, что вы... – рыдала она.

– Я не позволю так над собой!.. – тупо и бессмысленно рычал Пахила. Дурацкие подпорки и ниточки действовали неправильно, но он уже ничего не мог сделать.

И в этот момент я не выдержал. Я кинулся вдоль стеллажей, чтобы прекратить весь этот маразм. Я побежал сначала в одну сторону, но неожиданно налетел на стену. Тогда я пролез сквозь какую-то полупустую полку, но наткнулся на лестницу. А когда, с грохотом отодвинув ее в сторону, я все же выбрался из стеллажей, было поздно. Они уже стояли друг напротив друга, и не успел я открыть рот, чтобы привлечь их внимание, как она отчетливо произнесла:

– За это я вас никогда не прощу.

Все было кончено.

Пахила растерянно подошел ко мне и произнес:

– Что я наделал!

– Кукловода давно нет, – зачем-то сказал я.

Пахила грустно посмотрел мимо и вышел на несгибающихся ногах.

Я знал, что он действительно благородный, тонкий и возвышенный человек. Но, кроме меня, теперь этого не знал никто.

– Какая я дура! Какая я дура, что так относилась к этому... – Библиотекарша никак не могла подобрать последнее слово. Я взял ее под локоть и вывел из библиотеки.

– Куда мы идем? – всхлинула она, когда мы двигались по коридору.

– Ко мне в номер.

В ту ночь мне не удалось ни почитать, ни поспать. Я гладил ее сильное и нежное тело, расплетал и снова закручивал в пучок ее волосы, снимал и надевал ей очки, чтобы вытереть слезы. И долго, долго читал отрывки из одной очень хорошей книги, которая неожиданно обнаружилась на дне моего рюкзака. Так долго, что под утро она наконец улыбнулась.

Следующим вечером я уехал. Хочется думать, что Пахила не выкинул и все же прочитал ту большую книгу в желтом переплете. И понял. И принес обратно в библиотеку. Хочется быть уверенным, что библиотекарша не потеряла ту маленькую книжицу, которую я начал читать ей в ту ночь. И, когда он пришел вернуть свою книгу в библиотеку, она все же простила его. И они поняли друг друга. И теперь наконец счастливы.

Я не сентиментален. Будь иначе, меня никто не посылал бы в командировки. Тем не менее эта сцена в библиотеке поселка со странным названием Банаракипол часто возникает в моей памяти. И, возникнув, всегда напоминает о тщетности усилий человека понять другого и быть понятым самому. Но даже если это правда и все наше общение, все наши встречи в этой жизни происходят согласно такой вот бесперспективной модели, не расстраивайтесь – у нас всегда есть шанс что-то или кого-то понять. Достаточно просто найти нужную книгу и вовремя ее прочитать. А если вам покажется, что вы что-то поняли, или очень захотите, чтобы когда-нибудь кто-нибудь понял вас, пишите сами. Вдруг это тоже кто-нибудь прочитает?

Я, во всяком случае, так и делаю.

Именно с этого текста все и началось.

Этот рассказ был написан в месте под названием Апишциемс.

Сюжет рассказа отношения к этому месту не имеет.

96—18

– 25, 70, 45, 36...

– Это что, начало фантастического рассказа?

Шорин быстро обернулся. Позади него, скрестив руки на груди и улыбаясь, стоял капитан Гриневич.

– Что вам угодно?

– А я, вы знаете, поручик, давно вас ищу. Думаю: куда это наш друг Шорин запропал? А он, оказывается, здесь, в малиннике и занимается сочинительством, беллетрист этакий!

– Извольте объяснить, что вам угодно? – с запальчивостью проговорил Шорин. – По какому праву, капитан, вы...

– Бог с вами, дружище, я вовсе не хотел вас обидеть.

– Это кажется очевидным! Если я здесь, то вовсе не значит, что я ищу вашего общества.

– Однако, поручик! – начал было возмущаться Гриневич, но потом попытался сдержаться: – Послушайте, Шорин, – проговорил он спокойнее. – Уж если мы с вами начнем ссориться... Я понимаю, безусловно, все мы здесь в отнюдь не лучшей ситуации. Да о чем я, вся Россия... Впрочем, вы же понимаете. Держите же себя в руках, черт возьми!

– Но смотреть через плечо... Это же низость!

– Да что вы, в самом деле? Неужели думаете, я специально? Мне только что попались на глаза два, как их сейчас называют, фантастических рассказа, и оба они начинаются с цифр. А тут вы со своей математикой!

– Это вовсе не математика, – глухо проговорил Шорин, постепенно успокаиваясь. Большая фигура Гриневича на фоне бревенчатой стены дома, где они временно разместились, показалась ему давно знакомой и симпатичной. Да и с какой стати ему подглядывать, что пишет Шорин. А он и вправду не пишет вовсе. Действительно – одни цифры.

Они помолчали.

Налетевший вдруг ветерок зашелестел ветвями сада и пропал. Шорин поднял голову. По небу плыли облака. Как в детстве.

– М-да... Послушайте, поручик, а я хотел вас поздравить, – проговорил Гриневич. В руках у него вдруг откуда-то появилась большая темная бутылка. – Это вам.

– Благодарю, – ответил Шорин.

Это было трогательно.

Он улыбнулся.

– Простите мою несдержанность, капитан. Я хотел побыть немного один. Но вы не думайте, что эта бутылка сегодня за ужином будет единственной. Я полагаю, мы славно проведем время!

И Шорин был прав. К концу дня прибыл подпоручик Рыльский, и когда зной начал спадать, они уже сидели в его комнате. За окном шелестела и плескалась веселая июньская зелень, непривычно разнообразный стол радовал глаз и будил несколько забытое ощущение праздника. Но чем больше они пили, тем мысли Шорина становились все более грустными.

Однако оживление за столом нарастало.

– Господа, представьте, – проговорил Рыльский, когда они в очередной раз выпили за здоровье именинника, – вчера в Дорофеевке встретился за вистом со своим одноклассником. Он сейчас при штабе. Так вот, он уверял, в Питере большевики уже съели всех собак.

– И что с того? – мрачно откликнулся Шорин.

– Это служит хотя бы каким-то оправданием тому, что мы уже вторую неделю сидим в этой дыре! – воскликнул тот.

– Увольте, подпоручик, нашей с вами заслуги в этом нет, – нахмурился Гриневич. – И вообще, господа, по моему мнению, большевизм – это эпидемия. С ним нужно поступать, как поступали с холерой: оцепить зараженную местность войсками – и пускай они там мрут с голоду.

– Да? – не унимался Рыльский. – Но ведь холеру можно лечить.

– Холеру – можно. Но большевизм, анархизм, как и многое другое, оканчивающееся на «-изм», – Рыльский хихикнул, – не излечивается.

– Но мне кажется, капитан, против него все-таки есть вакцина. Большевизм – это насилие. Следовательно, его нужно лечить так же. Именно насилием. – Рыльский повернулся к Шорину: – А вы как полагаете, поручик?

– Я?..

Размышляя над тем, как ответить, чтобы его поняли, Шорин опустил взгляд на некрашенные, потемневшие от времени доски стола.

– Сколько вам лет, подпоручик? – проговорил он.

– Двадцать четыре.

– А вам, капитан? Вам сейчас сколько?

– Тридцать два.

– А мне сегодняшнего дня – двадцать шесть. Из них четыре года – война.

– Что поделать. Что поделать, – вздохнул Гриневич.

– И сегодня, буквально час назад, я подсчитал. – Шорин посмотрел на него. – Да-да, именно там, в саду, капитан. Я подсчитал, что прожил уже более трети жизни. Отданы лучшие годы. И чему? А конца так и не видно. Мечты, планы – ничего не осуществилось.

– Но послушайте, Шорин! – возвысил голос Гриневич.

– Да что вы, капитан, я не маленький ребенок и не нытик. Я только хочу, чтобы вы поняли. Дело не в большевизме. Большевизм – это следствие или симптом, если хотите. Симптом разложения России, ее исчезновения. А это трагедия. И прежде всего это трагедия нашего поколения, нас с вами, господа. Эта трагедия уже произошла, так какая разница, что там будет с большевизмом, ведь как было раньше, уже не будет!

– Так вы что, – в голосе Рыльского послышалось возмущение, – вы полагаете, что с красными не нужно бороться?

– Полно вам, дружище, – мягко поддержал его Гриневич. – Вы видите все в слишком мрачном свете, а самое худшее – еще и пытаетесь говорить об этом.

– Да, – Шорин кивнул, – возможно, об этом лучше не думать. Но все же отдавать себе в этом отчет, по-видимому, нужно.

– Нужно?! Для чего? – вырвалось у Гриневича, но затем он заговорил спокойнее: – На что толкают лично вас, поручик, ваши умозаключения? Они же бесплодны, как любая философия.

– Философия... Я вовсе не вижу в философии ничего дурного, просто я позволил себе немного пофантазировать. Вдруг моя судьба сложится так, подумал я, что мне из всего этого суждено выйти целым и невредимым. Что тогда? Опасаюсь, господа, что моя жизнь будет совсем не такой, как вы мне пожелали только что.

Шорин вздохнул.

– Да, если мы не уничтожим большевизм... – воспользовался паузой Рыльский.

– Да при чем здесь опять большевизм? – воскликнул Шорин. – Вот представьте, подпоручик, старость. Ваша жизнь... Ну, вы как песчинка, понимаете? Вас закрутило, понесло помимо вашей воли, и вот она, ваша жизнь, уже почти кончилась. Не знаю, как еще сказать, но я, господа, почему-то сегодня очень отчетливо представил, как это, возможно, будет со мной. Увы, отнюдь не весело все будет. Но что там... И вот тогда, когда я почувствую приближение смерти, – лицо Шорина вдруг просветлело, словно с него сошла какая-то едва заметная тень, – тогда я найду маленького мальчика и...

Все случилось внезапно. Потом уже трудно было сказать, кто первым услышал отдаленные крики команд и раньше других вскочил с места. Звякнули резко отброшенные на скатерть приборы, глухо разбился о доски пола упавший в суматохе стакан; все разом кинулись к двери. А когда они выскочили из избы, где-то на краю селения уже стреляли.

* * *

«Шестнадцать двадцать пять! Ничего себе!» – в ужасе подумал Сидоров и в очередной раз безнадежно поднял руку.

Мимо него по разогретому ярким южным солнцем асфальту с шипением и свистом неслись машины. Их водители, как казалось Сидорову, взирали на него со своих комфортабельных и уютных мест за блестящими оболочками привлекательных «Жигулей» и респектабельных «Волг» со злорадством и презрением. «Ну и стой на жаре, мучайся, – как бы говорили их взгляды. – Опаздываешь? Ну и опаздывай. А мы поедем дальше, и нам здесь, в автомобилях, совсем не плохо». Некоторые, правда, кидали на Сидорова извиняющиеся взгляды и даже подчас показывали жестом, мол, рад бы, старик, да не могу. Это давало надежду, но не меняло положения вещей.

За те двадцать минут, которые Сидоров стоял у дороги, один автомобиль, впрочем, остановился, но его перехватили два каких-то парня – то ли грузина, то ли армянина. «Вы что, я же в аэропорт опаздываю!» – пытался возразить Сидоров. «Ти-и?!» – проговорил один из них, бесцеремонно оттесняя его от машины. – Ми же тут раньше тэбя пришли».

Этот инцидент оставил у Сидорова сильное чувство злости и раздражения. Раздражения в основном на себя – за то, что вот так, ни за что ни про что позволил увести машину прямо у себя из-под носа. Сейчас бы он уже минут десять ехал, откинувшись в мягком кресле с подголовником и, наверное, вскоре догнал бы тот злосчастный автобус, на который он так до боли глупо опоздал. Опоздал... Из-за своей же вялости и безалаберности. Вот всегда так!

– Эй, такси, такси!

Ну вот, наконец-то! Метрах в тридцати от Сидорова остановилась новенькая «Волга», из которой, расплатившись, вышел сморщенный старик в белой кепке.

– Командир, мне в аэропорт! – заорал Сидоров, быстро распахивая дверцу автомобиля.

Парень, сидящий за рулем, не пошевелился. Остановившимися, как у глубоко задумавшегося или сильно испугавшегося человека, глазами он смотрел куда-то в сторону тротуара. «Неужели канючить будет?» – с тревогой подумал Сидоров.

– Мне в аэропорт. Едем? – повторил он.

Водитель кивнул. Закинув большую дорожную сумку на заднее сиденье, Сидоров быстро забрался в машину и чуть более сильным, чем следовало, движением захлопнул дверцу. «Наконец-то, – подумал он, когда машина тронулась, и мысленно перенесся в аэропорт. – Теперь то уж наверное успею!»

Автомобиль с шипением катил по дороге. В открытое окно врвался поток горячего, пахнущего гудроном и пылью воздуха.

– Скажите, а когда примерно мы будем в аэропорту? – поинтересовался Сидоров.

– Что? – вновь вышел из глубокой задумчивости таксист.

– В аэропорту когда будем?

– Будем... Будем мы в аэропорту, – как-то потусторонне отреагировал водитель и вдруг, спохватившись, резко нажал на тормоз.

Сидорова сильно кинуло вперед.

– Вот ведь! Надо же куда прет, – проговорил он, хотя сам заметил вырвавшийся из-за поворота фургон раньше таксиста.

– Фу, черт! – выругался тот таким голосом, словно он сильно замерз и у него сильно свело челюсти.

«Что это с ним такое?» – не понял Сидоров. Ему стало немного не по себе, и, чтобы выйти из этого дурацкого состояния, он вновь повторил свой вопрос.

– А-а, – откликнулся таксист, по-видимому наконец осознав смысл сказанного. – Ну... Ну, где-нибудь чуть больше чем через час.

– А если поднажать, до половины шестого успеем? – встревожился Сидоров.

– П-понимаете... – водитель немного замялся. – Понимаете, мне сейчас ну вроде как нельзя спешить.

«Пьяный! – пронеслось в голове у Сидорова. – Точно пьяный, как я сразу не понял!» Он внимательно посмотрел на таксиста. Дорогие, по последней моде, но плохо сочетающиеся друг с другом шмотки, сытое, чисто выбритое лицо, безукоризненная прическа по моде десятилетней давности, начинающий появляться животик – черты, хорошо знакомые Сидорову по многим его бывшим одноклассникам. Да и среди его сокурсников по институту много таких: кто массажист, кто официант, кто тоже таксист... Такие не прочь ради бизнеса пойти на нечистую авантюру, сыграть в преферанс по пятачку за вист или пропустить рюмку-другую за рулем. У Сидорова было сложное отношение к таким людям. С одной стороны, он отчасти понимал их и иногда завидовал сытой, азартной и вместе с тем обеспеченной жизни, которую они вели. Но с другой стороны, он испытывал к ним что-то вроде неприязни, поскольку понимал: сам он в корне не такой, как они. Он никогда не смог бы, да, наверное, и не сумел бы жить согласно их понятиям. И, возможно, в силу этого ему никогда не удавалось в общении с людьми такого типа найти общий с ними язык или выработать свою линию поведения. Вот и сейчас он не знал, то ли начать возмущаться, то ли попросить этого парня остановить машину.

– А, собственно, почему? Почему вам нельзя спешить? – неожиданно для себя проговорил он.

Таксист вздохнул.

– Понимаете... – Он явно затруднялся с ответом. – В общем, мистика. Жуть какая-то.

«Нет. По-видимому, он все же не пьян, – подумал Сидоров. – Только действительно очень расстроен и подавлен. Даже напуган. Да вроде и не пахнет от него. Может быть, мафия?..»

– ...Не знаю, как и объяснить, – в замешательстве закончил свою фразу таксист.

Машина выехала за пределы города и там понеслась все же быстрее. Извилистая горная дорога ныряла то вправо, то влево. Вскоре на подъеме они обогнали пыхтящий черным дымом грузовик и тянувшийся за ним длинный шлейф легковых автомобилей с номерами всех мыслимых районов европейской части СССР.

Сидоров немного успокоился. Переживания и личность водителя отошли на второй план, и он с полминуты размышлял над тем, стоит ему снять пиджак или нет. Несмотря на жару, сделать это, сидя в кресле, было лень. К тому же пиджак с деньгами, документами и билетами на самолет можно было забыть, и в конце концов Сидоров так и остался сидеть одетым, только расстегнул еще одну верхнюю пуговицу рубашки и положил правую руку на край окна машины.

– Скажите, – проговорил шофер, – а вы верите в нечистую силу, судьбу и другую чертовщину?

– Я? – откликнулся Сидоров. – Нет. Вообще-то не верю. А что?

– Я тоже. Но сейчас...

– Что, случилось что-нибудь особенное?

– Да.

Какое-то время они молчали. Сидорову вновь стало беспокойно. Поведение этого парня стало казаться ему все более и более странным. Того было довольно трудно назвать впечатлительным, тем не менее он явно находился не в своей тарелке.

– Это... – начал таксист после паузы, – это случилось давно. В детстве, когда я был маленький, лет пять наверное, я убежал из дома. То есть не убежал... Если по порядку, дело было так. Вы москвич?

– Да, – проговорил Сидоров.

– Я так и подумал. Я, в общем-то, тоже. В детстве мои родители снимали дачу. Ну, своей не было. Это сейчас там понаставили... И... Ну, в общем, недалеко от той улицы, где они ее снимали, был то ли сквер, то ли еще чего, а в этом, значит, месте стоял дом.

Как-то раз... А этот дом – маленький такой домик, – он был заброшен. Ну так вот, как-то раз мы с ребятами там играли и в этом доме нашли мужика. Помятый такой – ну, какой-то алкаш, в общем. Уж не знаю почему, но мы тогда решили, что этот мужик мертвый. Сначала испугались, но потом нам стало интересно. Ну пацаны, друг перед другом... Пола в том домике уже не было, и мужик лежал прямо между бревен каркаса. Мы подкрались и стали тыкать в него палками. Ну, тот лежал, лежал, потом вскочил да как заорет! А мы врассыпную, естественно.

Ну, это фигня. Главное, то, что после всего этого я оказался один в абсолютно незнакомом месте. Все потому, что так испугался того мужика, что бежал от него куда глаза глядят. Помню, оказался у штaketника какого-то дома. Ну, забор такой – штaketник, ничего особенного. Я тогда и сел на скамейку отдышаться, а тут – бац!

Шофер замолчал.

Сидоров был заинтригован. Он вспомнил то место, где когда-то снимали дачу его родители. Тихие, все в зелени улицы, заборы и заборчики, водопроводные колонки на углах, детство... «И тем не менее что же все-таки „бац“? – подумал Сидоров. – Летающая тарелка?»

– Ну а дальше? – не выдержав, спросил он.

– Тут он и появился... – ответил таксист. – Старый такой. Сел со мной рядом и начал все про меня рассказывать. Все, что я думаю, стал говорить.

– Как? – напрягся Сидоров и с того момента больше ни о чем не спрашивал.

– Ну как... словно мысли читал. У каждого ведь в детстве какие-то вообще там мечты, свои мысли о подвигах там, о геройствах. И вообще, я помню, у меня тогда свои понятия были о жизни. Ну, о том, как я должен поступать, чего делать, чего не делать. Да... – Таксист глубоко вздохнул. – Мы же в детстве все воспринимаем не так...

Ну, короче, он, этот старик, все тогда мне это и рассказал, что я думаю. Ну а мне тогда всего-то было лет пять. Про бога и всякую там телепатию я тогда и понятия не имел, зато свято верил в гномиков, фей и Деда Мороза, поэтому решил, что это настоящий волшебник, раз может творить такие чудеса. Кивал, кивал я, значит, ему головой в знак того, что он все правильно это говорит, а тот посмотрел на меня как-то странно, словно всего меня насквозь видит, и произнес: «Поклянись, – говорит, – что, чего бы с тобой ни случилось, ты будешь так же и поступать, как думаешь сейчас. Клянись, что если изменишь себе, изменишь и предашь свои собственные мысли, то с тобой случится самое страшное, что может случиться с человеком!»

– Ну, я и поклялся... Я был очень впечатлительным тогда, когда был маленький, и этот старик снился мне несколько ночей подряд. А перед тем, как исчезнуть – ну, из сновидений, – он сказал, что через много, много времени придет проверить, как я держу клятву, и я тогда очень боялся. Да... Я был тогда очень славным мальчишкой...

Таксист замолчал.

Сидоров осоловело уставился на бегущую под колеса раскаленную ленту шоссе. Он уже больше не думал ни о самолете, ни о дороге.

– А сейчас бац!

Сидоров вздрогнул.

– Конечно, – продолжил таксист, – я стал совсем не таким, каким мог бы быть. Поверь, я в детстве был не таким, как сейчас. Лучше, да и вообще... А потом... Потом со мной что-то случилось. И черт его знает когда... Я стал подстраиваться, менять себя в угоду другим.

Детский сад, школа, армия. Приходилось быть каким-то... каким легче, что ли. Ну, как все, в общем. Говорить чужие слова...

А потом уехал сюда. Купил дом, машину. Ну, крутился ради этого как мог, а как же. Вот вчера наконец-то... Ты же знаешь, как трудно взять «волжанку». И вот она, совсем новая. Столько бабок – уйма. А ночью сон и этот старик.

Ну, меня, ты просто не представляешь, от страха аж свело. Правда. Но потом глотнул: у меня дома коньяк – класс, кореш на той неделе десять литров привез. В общем, днем вроде и забыл про все это, да и день, кажется, хорошо начался. И тут голосует около кемпинга. Я останавливаюсь – открывает дверь, садится. Он! Понимаешь, он! Тот самый дед, это был он!

Я его, правда, сразу не узнал. Ну, сел там кто-то. Я врубил скорость – и вперед. А он мне говорит: «Ну что, как ты живешь, зайчик?» Все помнит, даже то, что меня мама когда-то зайчиком звала!

Гад!

Я смотрю – вправду он, вылитый. Даже не изменился! Кажется, и одет точно так же.

Я, я... Да чего там. Я так и не смог ему ничего сказать. Все делал вид, что не узнал. Мол, вам куда, говорю. Но он-то понял, что я его вспомнил. Все смотрел, смотрел с презрением. А под конец, как расплачиваться, так и сказал: «Ты, парень, – говорит, – не меня забыл, а себя потерял, поэтому и сказать тебе нечего». Дал пятерик без сдачи, хлопнул дверцей и даже не оглянулся.

Таксист вздохнул, издал какой-то мычащий звук и вдруг почти закричал:

– Ну почему все так?! Почему мы все такие хорошие в детстве и почему из таких ребят – Колек, Сережек, Витек – мы вырастаем вот такими вот?! – Он глухо ударил себя кулаком в мощную грудь, вздымающуюся под модной летней рубашкой. – Совсем не теми... Сволочами ведь вырастаем, гадами какими-то! Чего уж хуже...

Он подавленно умолк и, крепко сжимая руль, уставился вперед на дорогу.

– Брось. Ерунда, – проговорил Сидоров, но собственный голос показался ему каким-то картонным, неестественным. Потом добавил: – Ведь в конце концов это мог быть совсем не он. Ты же не можешь его так хорошо помнить. Просто кто-то другой. Он тебя с кем-то перепутал, и все.

– Не можешь... – откликнулся таксист. – Возможно. Да и, в конце концов, кто живет по-другому? Да и как жить иначе? Каждый же, черт подери, живет как может. Жизнь ведь такая – заставляет. Ну да, ну было... Но кто без грехов? И вообще... Ну и так что же тогда, всем смерть?

– Как смерть? – встрепенулся Сидоров.

– Да во сне он мне смерть предрек, если я не так живу.

Под колеса машины по-прежнему летела серая лента дороги. Раскаленные под солнцем каменистые склоны по ее сторонам переходили в лес или крутой обрыв, затем появлялись вновь.

– Ерунда! Чушь! Выкинь из головы, – запальчиво вырвалось у Сидорова. – Просто совпадение.

– Совпадение... Ну, может, и совпадение, – откликнулся таксист. – Уж больно мне везет в последнее время. Посуди сам: я здесь пять лет, а уже дом. Кирпичный! Сто двадцать метров! Тачку продал – лучше не бывает. «Волгу» приобрел – почти новую, ну, с консервации. Цинковое покрытие, понял! А когда такое везение, все что-нибудь неладное чудится.

Таксист немного развеселился.

– А вообще, – продолжил он, – жить здесь можно. Горы, море... Я знаю место... Вообще, тут поживешь, все разумеешь – совсем не хуже, чем в Москве. А девочки! Я тут иногда таких вожу... А чего они все сюда приезжают? То-то. Так что не соскучишься.

– А вон, смотри, – проговорил он вдруг, без всякого перехода и постучал пальцем по лобовому стеклу машины. – Видишь, впереди автобус? Он в аэропорт как раз в половине шестого приходит. Давай я тебя сейчас вон на той остановке высажу, и ты на него пересядешь. А то мне здесь в одно место надо заскочить. Ладно?

– Ладно, – машинально ответил Сидоров.

Машина остановилась.

Сидоров расплатился. Ему захотелось сказать что-то таксисту напоследок, но все это – и конец разговора, и остановка машины – произошло так быстро, что он, так ничего и не придумав, промолчал и закрыл дверцу.

– Давай! – крикнул он вслед машине, когда та тронулась, и махнул левой рукой. В правой у него была сумка.

* * *

– Ну... Один, два... Что вы делаете, отдайте сейчас же, поручик!

– Вы что, капитан, что вы хотите?..

– Извольте сейчас же отдать, я вам приказываю!

– Нет, что вы... Оставьте, капитан. Это же... Это же слабость.

– Какого черта вы говорите о слабости? Что вы в этом понимаете? Пока не прошел шок... – Гриневич поморщился от боли и сделал два глубоких вдоха. – Отдайте!

– Нет! – повторил Шорин, сглотнув, и засунул пистолет за ремень портупеи.

Гриневич отвернулся. Он сидел на земле, прислонившись спиной к доскам какого-то дома. Сквозь френч его мундира проступало большое бурое пятно крови. Волосы на его непокрытой голове взъерошились и слиплись, отчего его лицо, обычно казавшееся добродушным, теперь было капризным и злым.

– Ну тогда, дружище, сделайте милость, оттащите меня на ту сторону дома... Там видно реку.

Шорин взял огруженное тело Гриневича и потащил его вдоль завалинки. За углом дома лежал убитый – совсем еще молодой парень, по одежде – рабочий. Его широко открытые глаза застыли, глядя в небо, а на мятой косоворотке еще не высохли пятна пота. Гриневич заметил труп и ухмыльнулся сквозь стон.

«Идиотизм! – подумал Шорин. – Какой же идиотизм! Что привело сюда этого парня? Повинуясь каким побуждениям он взял в руки оружие? И чего, в конце концов, хотят добиться такие, как он? Всеобщего счастья? Но ведь убивая можно добиться только одного – всеобщей ненависти!»

За углом дома дул ветерок. Он дул с реки и шелестел ветками большой березы, стоявшей на краю горы.

– Бросьте, Шорин, – тихо проговорил Гриневич, – меня не стоит перевязывать.

– Да что вы. Это ерунда. Рана вовсе не такая серьезная. – Шорин постарался, чтобы его слова звучали как можно бодрее.

– Прекратите, поручик. Вас противно слушать. Лучше расскажите, что вы хотели сказать за ужином.

– За ужином? – не сразу сообразил Шорин.

– Да. Вы остановились на мальчике.

– Ах, это... – Шорин вспомнил. – Все это пустое, – проговорил он, расстегивая френч.

– Ну, все же? Это любопытно.

Шорин замялся.

– Я уже все сказал, – ответил он. – В общем, найду мальчика, попробую вложить в него что-то хорошее. А скорее всего... Ну, там видно будет. – Шорин разматывал бинт. – Скорее

всего, возьму с него клятву, что он никогда не изменит себе. В конце концов, это главное, ведь если бы никто не изменял себе...

– Это было бы черт знает что, – перебил Гриневич. – Это был бы ад, дружище! – Он застонал. – Впрочем, если у вас будет такая возможность, найдите еще одного мальчика, быть может похожего на меня. Обещаете?

– Обещаю, – ответил Шорин и поспешил добавить: – Только у вас, как мне кажется, у самого будет такая возможность.

– Спасибо, – проговорил Гриневич совсем тихо. – Пусть он только будет хотя бы немного похож на меня в детстве. Представляете? На меня или на Рыльского. Он там, около церкви, на площади. Он тоже был неплохой человек.

* * *

«Девяносто шесть – восемнадцать, девяносто шесть – восемнадцать, девяносто шесть – восемнадцать...»

Если бы Сидорова спросили, для чего ему было нужно запоминать номер такси, на котором он догнал автобус, то, по всей видимости, он не ответил бы ничего путного. Просто запомнил, и все.

Автобус немного запаздывал, но до конца посадки он все же должен был прибыть в аэропорт – так сказал полный мужчина у окна, который должен был лететь одним с Сидоровым рейсом. Так что повода для беспокойства почти не было.

Сидоров попытался представить себе Москву, в которой не был уже месяц, дома, метро, теплый свитер, который ему, по-видимому, придется надеть сразу же после приезда. Это были привычные мысли, всегда посещавшие его при возвращении из отпуска, только сейчас они почему-то не вызвали в нем того прилива энтузиазма, какой им обычно сопутствовал. Из головы не шел тот старик, являвшийся таксисту, его предсказания, сон...

За те несколько минут, которые он ехал в автобусе, Сидоров уже успел придумать не одно правдоподобное объяснение случившемуся. В конце концов, разве может таксист всех упомянуть? Да еще в курортном городе! Может быть, он когда-то обсчитал того старика или дурно с ним обошелся? Кроме того, многое не вязалось чисто логически. Ведь умирают все, значит, смерть нельзя рассматривать как из ряда вон выходящее наказание. Но и объяснения не успокаивали. Дело было не в них.

– Да-а! – возмущенно протянул его сосед и с тревогой посмотрел на часы. – Это же просто безобразия. Мы же и так опаздываем, а тут еще стоим уже целых пять минут!

– Да! – встрепенулся Сидоров: автобус действительно стоял.

– Эй, в чем дело?

– Послушай, у мэня самолет! Опаздываю! – раздался голоса из заднего конца салона.

– Не беспокойтесь, все нормально! Это просто затор. Сейчас поедем, – громко проговорил водитель. И он был прав. Вскоре автобус действительно тронулся.

– Что там? Что там? – услышал Сидоров вокруг себя. Часть пассажиров с нездоровым любопытством прильнули к окнам.

– Кажется авария!

Внутри у Сидорова что-то тревожно екнуло. Такое было с ним второй раз в жизни. Когда-то давно, совсем маленьким, он увидел пожар. Черный дым, клубами валивший из пустого оконного проема, так испугал его, что он, проходя мимо, еще долго боялся смотреть в ту сторону. Так и сейчас. Ему казалось, что если он ничего не увидит, то ничего и не произошло.

– Ого! Ничего себе!

– Вот это разворотило!

– А водитель-то, водитель... Смотри, руки торчат!

– Ой, это же надо.

– Да, мощно! Наверное, с верхнего витка серпантина упал!

Сидоров не удержался и посмотрел в окно. На обочине дороги лежала покореженная груда металла, которая когда-то была автомобилем. Рядом валялись осколки битого стекла, ободок от фары, какие-то скрюченные железки с оборванными краями и аккуратно отлетевший прямоугольник номерного знака.

96—18, – решил Сидоров.

Впрочем, он мог и ошибиться: номер лежал обратной стороной вверх.

* * *

Прошло три года.

Сидоров защитил диссертацию, сменил четыре места работы, развелся с женой и провалил вступительные экзамены во ВГИК. «Что это вдруг с тобой?» – спрашивали его друзья, но Сидоров только улыбался осунувшимся лицом и молчал. Он был счастлив. И теперь он знал, что сказать, если ему явится тот старик. Уж он-то, Сидоров, держит клятву.

Апициемс, июль 1987

А этот – написан уже в двухтысячных, в холодные пасмурные дни.

Возможно, рассказ получился таким же холодным и пасмурным.

И и не совсем таким, как был задумал.

Возможно, я его когда-нибудь продолжу.

Сестра

Начну с того, что я был удивлен.

Моя сестра никогда не влюблялась по-настоящему. Я был в этом уверен и несколько раз пытался понять почему, но каждый раз, когда ломал голову над этой задачей, склонялся к одному и тому же немного странному ответу. Она боялась.

Да, по отношению к моей сестре все это звучит непривычно. Настолько непривычно, что многие из тех, кто ее знает, могут решить, что я говорю о ком-то другом. И я их пойму. Тому, кто имел возможность видеть, как она обсуждает с кем-то из подруг свои личные проблемы, подолгу выбирает одежду в магазинах и обстоятельно готовится к встречам и вечеринкам, такая мысль вряд ли пришла бы в голову. Скорее наоборот, человеку могло бы показаться, что у нее какой-то сложный роман, полная драматизма личная жизнь, и, как ни странно, это тоже будет верно. Только бурные волны любовных приключений бушуют где-то на поверхности ее жизни, почти не производя изменений в ее глубине, или наоборот – то, что бурлит в глубине, никогда не выходит на поверхность. И я не могу объяснить это ничем иным, кроме страха.

Полагаю, она с ним не родилась. Являясь тонким и сильно чувствующим человеком, она поначалу просто боялась полностью отдать себя какому-либо чувству. А тут еще всякие несчастные и безумные романы ее подруг и знакомых: безответная любовь, ссоры, истерики, депрессии. Мои юношеские искания, надо думать, тоже не были образцом для подражания, так что все вместе это произвело на нее сильное впечатление. И впечатление это было непривлекательным.

В результате она выбирала не тех мужчин, которые ей нравились, а тех, кому нравилась она. Это обстоятельство долго не бросалось в глаза, поскольку, будучи весьма привлекательной особой, она нравилась многим и выбор у нее был достаточно широк и разнообразен. Но со временем я стал замечать, что даже в этом широком кругу она стала отдавать предпочтение тем, с кем было удобнее и кого могли одобрить другие. Что касается собственных предпочтений, они учитывались ею уже только потом.

Являясь человеком прямо противоположного поведения, я не скрывал своих мыслей на этот счет. Но не лез на правах старшего брата со всякими советами и поучениями, резонно, как мне кажется, полагая, что свою голову не приставишь. И вот, будучи такой редкой дамой, в чью личную жизнь я не вмешивался, она благополучно жила, вооруженная такой стратегией, не испытывая ни сильных увлечений, ни особых трагедий. Постепенно ее жизнь вошла в стандартную колею. У нее появился положительный симпатичный муж, подвизавшийся в каком-то выгодном деле, с квартирой, дорогой машиной и загородным домом, а у нее самой была хорошая работа в рекламном бизнесе и здоровый образ жизни. Поэтому, когда я однажды под утро услышал в трубке ее взволнованный голос, я был удивлен настолько сильно, насколько это возможно после бурно проведенного вечера.

– Саш, с Витей несчастье. Можно я сейчас приеду? – сквозь слезы проговорила она. И зачем-то спросила: – Ты дома? – по-видимому, от волнения забыв, какой номер она набрала, мобильный или домашний.

– Ну, приезжай, – вяло отозвался я, пытаюсь сообразить, почему она называет своего мужа таким странным именем.

Дойдя до ванной, я окончательно вспомнил, что мужа зовут Марат. Значит, это не муж, в растерянности отметил я, но глубже в океан реальности мои прозрения не погрузились даже под действием холодной воды. «Витьку убили, убили Витьку...» – вертелось в голове на мотив позапрошлогодней песни. Я попытался укорить себя, напоминая, что смерть хотя и закономерная, но все же весьма серьезная штука, а не объект для такого идиотского стихосложения. Не помогло.

– Ты его не знаешь! – заявила сестренка, после того как я заставил ее снять мокрое пальто. И произнесла название небольшого подмосковного города, откуда он родом.

– Не знаю, – согласился я.

– Не знал... – всхлипнула моя бедная маленькая родственница. Я понял, что мотив вертелся не зря, и налил ей рому. У меня почему-то есть убеждение, что в случае несчастья нужно пить именно ром, поэтому в холодильнике стойко хранилась начатая бутылка. На черный день.

– Твой э-э-э... парень? – спросил я, когда она выпила.

– Друг, – шмыгнула носом сестра. – Старый.

Следует сказать, что, несмотря на всю внутреннюю и внешнюю нежность, она с раннего детства отличалась волей, собранностью и правдивостью. Причем отличалась этим не только от меня, что, вообще говоря, не так уж сложно, но и от большинства людей, которых я знал. Поэтому я поверил.

– У нас ничего не было, – пояснила она. Этому я тоже поверил, поскольку она всегда была еще и очень верным человеком.

– Из-за Марата? – зачем-то решил уточнить я.

– Да. Но не только, – убито ответила сестричка. – Я пойду умоюсь. У тебя машина на ходу?

И через полчаса мы выехали в тот маленький городок, где жил этот парень. Московские улицы были погружены в предутренний сон, мокрый и пустой асфальт напоминал декорации к ночным кошмарам, и откуда-то со стороны газонов пытался проявиться туман.

– Он пропал без вести, – пыталась объяснить мне сестра, хотя я уже давно все понял. – Ты представляешь, он пропал, а я совершенно не знала, что он пропал, что его ищут! Мне почему-то никто не сказал... И я узнала обо всем, только когда случайно услышала, что нашли тело. Где-то в лесу, около автостоянки. Ужасно. Из-за автомобиля! Так нелепо и глупо. Это был такой старый, старый «Опель».

Рекламные щиты бессмысленно излучали свои слоганы в ночную изморось. Перед светом нас справа обогнал какой-то тип на «девятке», который несся далеко за сто. Я уже знал, что Витька некоторое время рисовал такие вот щиты, то есть делал их макеты, иногда придумывал идеи. Они с сестрой долго работали в одном агентстве, потом сестренка уволилась, стала соучредителем другой фирмы, и их служебные пути разошлись. Иногда они виделись. Витька был неудачно женат, пил, пытался писать картины. В последний год он ушел из семьи, собирался участвовать в каких-то выставках, снял квартиру в том городишке, куда мы ехали, – денег для того, чтобы снять квартиру в Москве, у него, видимо, не было. И, глядя, как в брызгах воды впереди исчезала дурная «девятка», я подумал, до чего странно устроена жизнь. Кто-то вот так вот тупо, нагло и безбашенно рискует всю жизнь и, здоровый и тупой, доживает до старости, а кто-то спокойный, славный и незаметный погибает из-за глупейшего стечения обстоятельств.

– Ну и чего мы, собственно, туда едем? – в очередной раз спросил я. Спросил скорее для того, чтобы отвлечь сестру. Наверное, на ее месте я поступил бы так же: не заикливаясь на переживаниях, поехал, начал что-нибудь выяснять. В такой ситуации, наверное, главное – что-то делать.

– Хочу проститься, – решительно заявила сестра. – На похороны мне идти нельзя, тогда все поймут, но мне обязательно нужно успеть проститься.

– Ты представляешь, с чем ты будешь прощаться? – счел уместным предупредить я. Понимая, что чужие сомнения никак не повлияют на ее решимость.

– Представляю. Он лежал больше месяца, пока не стаял снег. И его вскрывали. Но понимаешь, я же больше его не увижу.

– То, что ты увидишь, уже давно не он, – мягко намекнул я, на что услышал неожиданно громкое:

– А так мне и надо!

Сестра жала губы и уже в который раз сообщила мне, какая она сволочь и каким замечательным человеком был он.

– И почему это понимаешь так поздно?! Когда человека нет. Видишь все, видишь! Видишь, каким он был, и такая пустота, – всхлипнула она. – Он написал мне такие стихи!

Но стихов я так и не услышал. Потому что в этот момент толстый суровый мент вышел из своей стеклянной будки поста ГИБДД и презрительно махнул мне палкой.

Около пяти минут ушло на выяснение того, что у меня подлинный талон техосмотра, а также права и документы на машину и во всех этих документах все совпадает, а я – это и вправду я и вовсе не пьян, а примерный гражданин, который просто решил покататься на машине в четыре часа утра. И куда я еду, никого не волнует.

Я совсем не похож на сестру, и мою быкообразность сложно скрыть, как стильно ни одевайся, какие прически ни делай и какие сложные слова ни говори. Это началось очень давно, еще в первом классе. Один из старшеклассников, по имени Толик (его дурацкую фамилию я почему-то забыл), зашел как-то на перемене в наш класс и из всего многообразия моих сверстников выбрал именно меня. Я не знаю происхождения его потребности кого-то бить и унижать, не знаю, откуда в том подростке было такое любопытство к чужому страданию, потому что во всем остальном он, как я сейчас представляю, был нормальный парень, не изгой, не второгодник и не урод. Возможно, я ему кого-то напоминал, или на него просто что-то нашло и он так развлекался, а заодно развлекал и своих друзей. Но для меня его развлечения имели очень серьезные последствия, во мне появилась стойкая потребность стать таким, чтобы меня никто не смог побить. И, как я сейчас понимаю, именно эта потребность сделала меня таким.

Толик, Толик, что ты наделал...

Будучи школьником, а затем уже и студентом, я все совершенствовался и совершенствовался в тяжелом деле стояния за себя. Это чем-то напоминало процесс накопления, только я копил не деньги и не почтовые марки, а приемы и навыки, стили и программы тренировок. Я стал полным фанатом восточных единоборств, были дни, когда я думал только об увеличении собственной убойной силы, и этот процесс накопления вышел из-под контроля. Он стал ценен сам по себе, а мое тело и без того было не самым слабым и неловким. И вот это упорное стремление увеличивать мощь все больше и больше дошло до того, что когда я сбавлял темп тренировок, то с удивлением видел, что запущенный механизм боевого самосовершенствования крутится сам по себе и вещи, которые я не умел раньше, вдруг начинают получаться сами собой. Мое тело помимо меня тренировалось *всегда*, возможно даже во сне. А мозг привычно искал новые возможности для самозащиты. Пока в один прекрасный день я не испугался того, чего я могу. Могу походя, можно сказать, машинально.

Я не святой монах и живу не в горах. Я могу выпить, могу быть пристрастным. И после нескольких случаев, когда я едва не наломал дров, мне стало не по себе. Я сказал себе: «Стоп!», я бросил все это. Бросил в той мере, в какой это возможно сделать, не нанеся большого ущерба здоровью, но нечто в моем облике все равно несет отпечаток прошлых усилий, и как оружие, по словам древних шаманов, притягивает войну, так я притягиваю всех желающих кого-то побить. Как тогда, в первом классе. И всякие бандюги, войдя в ресторан, из всех посетителей почему-то продолжают выбирать вашего покорного слугу. Так что кто знает, может быть, это нечто было во мне и тогда, в детстве? Ну, как некоторое предвосхищение моей жизни, например?

И для этих уродов совсем не важно, чем я занимаюсь. Я мог бы торговать оружием или играть в симфоническом оркестре на скрипке, все равно на темной улице ко мне приставали бы

недопившие и злые мужики, и, вот поверьте, как сильно ни пугай их могучей внешностью и изощренными восточными ударами, их желание сразиться со мной остается на редкость стойким. Хотя на самом деле я брокер. То есть торгую на бирже. Тихо сижу за компьютером и анализирую ситуацию на рынке акций; сопоставляю, кто что сказал и как это повлияет на котировки, что следует продавать, а что покупать. Но когда в нашу контору приходит очередной бандюган, желающий приумножить свои бабки с помощью наших мозгов, он, завидя меня, удивленно спрашивает:

– Ты брокер?

А когда я утвердительно киваю, начинает прощупывать:

– Ты Руслана Десантника знаешь?

Ну а если кто-то из недовольных клиентов начинает грозить разборками, как вы думаете, кого директор просит принять участие в переговорах?

Впрочем, моя работа не имеет никакого отношения к этой истории. Я просто хотел сказать, что жизнь научила меня не только приводить людей в бессознательное состояние, но и договариваться, если у человека все в порядке со слухом. А если совсем коротко, то с гаишником мы договорились, и наш путь по ночному шоссе продолжился. Только сестренка в мое недолгое отсутствие ввинтилась в свое горе еще сильнее.

– Это несправедливо! – всхлипнула она. – Все могло быть не так. Представляешь, мы могли бы все бросить, жить вместе и вечерами ездить по этой дороге с работы. Вдвоем. Он и я. В маленькую квартирку в пятиэтажке. Где-нибудь недалеко от леса. А по выходным... ездили бы по поселку на велосипедах. Все! Все было бы по-другому, и тогда бы они не сунулись! Ну кто так решил? Почему с нами все так?

– Козлы, – зачем-то кивнул я. – Ничего, попробовали бы они сейчас сунуться!

И мы, не договариваясь, посмотрели друг на друга.

Да, я, конечно, сам во всем виноват. Никто не тянул меня за язык, просто в очередной раз я сказал не то, что следовало, и в очень не подходящий для этого момент.

– Останови, я пересяду назад, – тихо и решительно сказала сестра.

– Да нет, ну это же детство какое-то, – попробовал возражать я, но тут мне голову пришла глупая мысль номер два, что это хоть как-то отвлечет ее, и я остановился.

Следующие несколько километров она провела свернувшись на заднем сиденье. Мы почти не разговаривали. Впрочем, она успела сообщить мне, что у нее есть электрошокер и что она умеет им пользоваться.

– Хорошо, – кивнул я.

– Тебе нужно остановиться, – сообщила она еще минут через десять. – Ну, как бы сходить в кусты.

– Здесь вдоль обочины ограждение. Остановишься – снесут.

– Хорошо, остановись, когда оно кончится.

Как бы не так, подумал я и как на зло понял, что остановиться все-таки придется. В первых, в бачке машины кончился омыватель, во-вторых, я перед отъездом из дома все-таки не посетил туалет. В ментовке он наверняка только для ментов, а в морге... для персонала. Так что остановиться все-таки нужно. И, как нелепо это ни выглядит, когда ограждение кончилось, я все-таки затормозил. По всем правилам, включив поворотник и свернув на какую-то то ли стоянку, то ли пустырь.

Конечно, то, что наш с сестрой крючок кто-то заглотило, казалось мне тогда полным бредом. Вероятность такого развития событий была ничтожно малой, да и мой снобистский «Сааб» малопривлекателен для угонщиков. Поэтому я был спокоен, и, когда сестра тихо сказала откуда-то из-под пассажирского сиденья:

– Саш, прости, что я тебя впутала в такую историю, – я просто легкомысленно поморщился и сказал:

- Да ладно.
- Да нет, это мне теперь все равно, а ты-то тут совсем ни при чем.
- Хорошо, прощаю. Бди, – сказал я и вышел из машины.

Темный, таинственно шумевший верхушками лес, мокрая трава, холод. Как вы догадываетесь, я не стал отходить далеко от машины. Я просто сделал пару шагов к ближайшей канаве и начал увеличивать, находящееся в ней количество жидкости за счет содержимого моего мочевого пузыря. И тут...

На одном из не очень высоких уровней обучения восточным единоборствам учат отражать невидимые удары. Сзади становятся два или больше новичков и начинают отрабатывать на вас то, что им только что показал мастер. А вы должны ставить блоки, не видя, кто и как бьет. С тех веселых времен я хорошо чувствую, когда на меня кто-то замахивается сзади или даже просто смотрит, и без проблем могу, не оглядываясь, отразить удар в спину. Но ни один сэнсей не учил меня писать и отражать удары одновременно. Поэтому я только сместил центр тяжести и пригнулся. К тому же одной рукой я держал пенис и мог осмысленно действовать только второй. Но, как бы то ни было, тот гопник, который хотел трахнуть меня ногой, скользнув пяткой по моей куртке, облитый мочой полетел в канаву. Однако трава была скользкой, а мои ботинки – с гладкой подошвой, поэтому я тоже не удержался и как был, с вынутым пенисом, заскользил в канаву за ним. Что и предопределило драматичность дальнейших событий.

Во-первых, у любителя драться ногами был сообщник, который, воспользовавшись моим неловким положением, стрельнул в меня из газового пистолета каким-то ядреным газом; во-вторых, еще кто-то попытался заехать мне металлическим носком ботинка под коленную чашечку. Короче, до боли знакомая ситуация, меня снова мочили какие-то придурки.

Было темно. Помню, я хотел отвести их подальше от машины, но из-за ошпаренного газом лица и боли в ноге перестал ориентироваться. У меня была информация, что их трое и что одному я, кажется, сломал руку, отнимая пистолет. Но оказалось, что и тут я ошибся. Их было больше. Потому что после нескольких секунд возни я услышал крик моей маленькой сестренки. Там наверху остался кто-то еще. Внутри у меня что-то лопнуло, и тут началось.

Кажется, я вспомнил все, что умел. И даже придумал что-то свое. Во всяком случае, трое нападавших куда-то пропали, а те двое, которые в свете фар подъезжающей машины куда-то поволокли сестренку, здорово пожалели, что сделали это. Если, конечно, успели, поскольку лишились сознания неожиданно быстро. И те уроды из подъезжавшей «девятки» (не помню, сколько из оттуда повыскакивало), видимо, рады бы были уехать, но моя сестренка все-таки подобрала выбитый у нее из рук электрошокер, и к одному из них я так и не успел приложить своих усилий. Но машины все подъезжали и подъезжали. Меня стали крутить какие-то идиоты в форме и бронежилетах – тогда я еще подумал, а вдруг это правда менты, и просто как следует приложил их о «девятку». Кто-то выстрелил, я отскочил за эту гребаную машину, а сестренка, которая ни разу в жизни не участвовала в грубой мужской драке, выхватила из кобуры одного из псевдоментов пистолет и спокойно, как агент из голливудского фильма, залегла за колесом моего «Сааба».

– Не стрелять, это потерпевший, – закричал кто-то высоким, почти визгливым голосом. На что я заметил, что потерпевшим сейчас будет он сам. И только тут понял, что синие всполохи – это не рябь в моих пострадавших глазах, а милицейские мигалки.

Я вытер лицо подкладкой куртки и начал немного видеть. На освещенную фарами площадку около дороги выходили все новые и новые люди. Какие-то орлы в бронежилетах и с автоматами, озабоченный мужик в мятом плаще. Сестренка, отряхивая куртку одной рукой и не выпуская пистолет из другой, буднично появилась из кювета. Я тоже вышел и начал некрасиво материться, пока один из ментов не указал куда-то вниз и я не понял, что до сих пор хожу с вынутым из брюк пенисом.

В милиции было тепло, пахло ДСП, грязной верхней одеждой и чем-то тухлым. Мы сидели в кабинете с несколькими письменными столами еще советских времен, молодой парень в углу заполнял какие-то бумаги. Сестренка иногда улыбалась мне с соседнего стула грустно и одновременно подбадривающе; из-под волос около уха у нее торчала полоска пластыря, а оторванный рукав пальто был приколот английскими булавками. Сам я пил пятую или шестую чашку кофе, немного болела нога и саднило щеку, подвергнувшись газовой атаке. А где-то в соседнем кабинете играло что-то типа «Русского радио». Которое я ненавидел.

Возможно, кому-то после драки и бывает хорошо, но только не мне. Я чувствую себя словно окунувшимся в некую грязь, не удержавшимся, нарушившим какое-то важное правило. Особенно если навешал кому-нибудь чересчур сильно. А я, судя по всему, снова навешал.

Вошел усталый майор с худым лицом и грустными глазами.

– Все нормально, радуйся, – кинул он мне. – Череп цел, просто сильное сотрясение, уже очухался.

– Угу, – кивнул я.

– В общем, спи спокойно, все спишем на сопротивление при задержании. Инвалидностей не будет.

– А если бы были?

– Что «если бы были»? Ну, были... Ты давай не умничай! А что вы тут говорили? Ну, про цель поездки. Какое-то опознание.

– У нас тут эти сволочи друга убили. Приехали проститься. – Отношения моей сестры с покойным Витей не поддавались короткому объяснению, но я попытался сделать его, как мог.

– Что ж, понятно, – почесал затылок майор. – Значит, хотите, чтобы вам опознание сделали. Ну, чтоб проститься, значит, без жены. Понятно. Хотя и не очень. В морге проститься? В холодильнике? Вообще охренели. А какой номер дела, как фамилия потерпевшего?

Сестра назвала фамилию.

– Так, – сказал майор и сосредоточенно посмотрел куда-то в сторону. А сидевший в углу парень прекратил писать. – Так! Следователь по вашему делу в задержании участвовал. Должен быть еще здесь, – озабоченно проговорил он и быстро вышел.

Парень в углу начал писать еще усерднее, и мне все это как-то не понравилось. Возникло чувство, что нечто изменилось, и, видимо, не в нашу пользу, но в голове было пусто. Точнее, густо. То есть стоял густой-густой туман, в котором было крайне сложно распознавать мысли. Какая-то часть сознания зачем-то просчитывала, как быстрее всего отключить пишущего сотрудника – получалось, что самый спокойный и тихий вариант – проткнуть ему горло авторучкой, которая у него в руке, – другая часть сознания осуждала это занятие, полагая, что мысли на эту тему вредны и бессмысленны, в то время как еще какая-то часть уже просто спала.

Зазвонил телефон.

– Да! – напряженно ответил боец ручки и протокола и, быстро выпроводив нас из кабинета, скрылся где-то в недрах коридора.

– Вообще... как в каком-то кошмарном сне, – помотала головой сестра.

– М-м-да. Зато мы их сделали, – попытался понять ее настроение я.

– Да. Зато... Прости, что я тебя во все это втянула. Я на самом деле совсем не хотела, чтобы так...

– Да ладно, это же все какая-то чудовищная случайность.

– Нет, совсем, увы, не случайность. Если жить так, как все это время жила я, это закономерность. Словно кто-то заставлял, тянул меня по жизни таким идиотским образом. Ну вот, я опять себя оправдываю. – Сестра вздохнула и с ненавистью уставилась куда-то на зеленую стену.

– Брось, у тебя правда были причины, – слабо возразил я.

– Да! Когда причины сильнее тебя, все так и кончается. Скажи – только скажи правду, – тебе за меня очень стыдно?

Я напрягся и приготовился возразить более масштабно, но в это время снова возник майор и раздельно, внятно и официально назвал меня по имени и отчеству.

– Зайдите в двести шестую комнату, там майор Сергеев, у него к вам несколько вопросов, – закончил он свое обращение.

– Как? – встрепенулась сестра.

– А я пока переговорю с вами. Только, – наклонился он ко мне, – только повежливей с ним, хорошо? Он пострадал при задержании. Но кто знает, мы же эту банду который раз с полочкой пытались взять. Если бы не это, он бы мог и табельное оружие применить.

Двести шестая комната была почти точной копией той, где мы с сестрой пили кофе. А майор Сергеев – увеличенным первым майором, причем увеличенным преимущественно по горизонтали. Только немного бледный и с пластырем на лбу.

– Так. Скажите ваши фамилию, имя и отчество, – тускло попросил он, и я уже в третий или в четвертый раз за вечер произнес свои анкетные данные.

– Так. Значит, где и когда вы познакомились с Терещенко Виктором Анатольевичем?

– С кем познакомился? – не сразу понял я и около секунды смотрел на ручку второго майора. Это, конечно, тоже не табельное оружие. Ручка выглядела слабой, слабее, чем у того первого парня, но, если вложить в нее хороший толчок энергии, она должна спокойно пробить ткани. В принципе, это можно сделать даже травинкой. Нужен только какой-то ложный отвлекающий жест, и потом, когда я одновременно возьму этот пластиковый стержень с обгрызенным кончиком, выдвину правую ногу назад и возникший импульс направлю вместе с ним майору в грудь, табельное оружие ему уже не понадобится. Никогда.

– Господи, да я-то с этим парнем практически не знаком! – в отчаянии вырвалось у меня.

– Так... – Наступила небольшая пауза. – Значит, вы не знаете гражданина Виктора Терещенко? Я вас правильно понял?

– Да.

Расстраиваясь на себя и свои мысли, я попытался объяснить, что сопровождал сестру. Я говорил как можно мягче и вежливее. Интересно, а применил бы этот Сергеев табельное оружие, если бы я просто защищался от этих уродов? Один ото всех. Вполне бы применил. Ему бы ничего не было. А может, и нет. Кто его знает, так сразу и не скажешь. Еще один аргумент в пользу того, что жизнь нельзя прожить заочно.

– Сопровождал сестру, – тем временем старательно записал майор. – А она чего, сама машину не водит?

– Водит, – вопросы Сергеева нравились мне все меньше и меньше, но я покорно объяснил, что машина сломалась и что с сестрой кому-то надо было ехать.

– Так, – мой собеседник поставил точку и отложил бумагу в сторону. – Значит, если вы не знаете Терещенко, у меня лично к вам никаких вопросов нет.

– А если бы знал?

– Не понял. Вы же сказали, что не знаете.

– Просто интересно, – сказал я. – В общем, хочу понять, во что влипла моя сестра. Она-то знала.

Сергеев насторожился и посмотрел на меня как-то странно.

– Нет, что, у них такая любовь-морковь была, да? – вдруг спросил он, и в его глазах мелькнуло что-то такое, что я бы не назвал плохим или хорошим. Это было что-то человеческое, то есть такое, что наводило на ответ: никакого табельного оружия этот парень бы не применил. Во всяком случае, стрелял бы не на поражение.

– В том-то вся фишка, что ничего такого не было. А любовь была. Понимаешь?

– Что, совсем нереализованная? – не поверил майор. И почесал затылок. – Ладно, значит, так, посиди пока в коридоре, а мы с ней кое-что уладим, и все. Всякое, конечно, бывает...

Выпроводив меня из комнаты, Сергеев запер кабинет и быстро куда-то ушел.

Что-то не так, решил я, но оставалось только ждать, и я ждал. Я переместился в то место, где находился кабинет, скрывавший мою сестренку, и, устроившись поудобнее, поглощал покой. Так называл одно незамысловатое, но очень действенное упражнение мой старый восточный учитель. Оно заключается в том, чтобы просто сидеть, расслабив плечи, шею и еще некоторые группы мышц – у каждого свои, – и видеть исходящий из неподвижных предметов покой. Ну и, разумеется, его поглощать, чтобы собственное тело так же наполнялось покоем и, следовательно, силой. Но то ли окружавшие меня стены и стулья изначально не содержали покоя, то ли его вытянул кто-то сидевший тут до меня, в мозг лезли всякие нехорошие догадки, и вместо покоя я был наполнен с ног до головы сплошным беспокойством.

– Пошли! – Это произошло неожиданно. Дверь кабинета отворилась, но вместо сестры из нее появился майор Сергеев. Впрочем, он чесал затылок, а этот жест, как учат психологи, вроде не предвещал на мою голову новой беды. Но даже если бы и предвещал, я бы все равно пошел следом.

– Дело в том, что тут такая петрушка приключилась... – Рука Сергеева переместилась с затылка в ту область головы, которая расположена за ухом. – Бывшая жена этого Терещенко сделала ложное опознание. То ли морг так подействовал, то ли специально: он же до сих пор у нее в квартире прописан, а по свидетельству о смерти выписывают быстро. Так что жив ваш Терещенко. Жив и здоров, а погиб другой человек, личность сейчас устанавливаем. Вопросы есть?

На улице пахло утром, сыростью, желтыми листьями и скорым рассветом. После бессонной ночи и сидения одетым в теплом помещении тело бил легкий озноб. Зато глаза сестренки сияли радостью и слезами. И я, конечно, тоже был ужасно рад, а когда я рад, я становлюсь активным и начинаю много говорить.

– Значит, так, сейчас купим чего-нибудь выпить. Он теперь, оказывается, в Ивантеевке квартиру снимает, адрес я записал... Как раз купим – и как нагреем! Успеем еще до того, как он на работу укатит. – Я сыпал предложениями, начисто забыв и о своей работе, и об усталости. У меня было чувство, что это наши безрассудные действия спасли его. Конечно, я не задавался, даже внутренне: ведь в первую очередь мужество, верность и смелость моей славной сестры воскресили этого парня, но и моя бессонная ночь, слезящиеся глаза и ушибленная нога тоже внесли свой вклад. У нас получилось! Честное слово, я был готов поверить, что это именно так. Что судьба поддавалась нашему напору, счастливый случай протиснулся в пробитую нами брешь и прочей пафосной чепухе, которую хотелось молотить и молотить. Но я сдерживался.

В ответ сестренка молчала и редко всхлипывала. Примерно в таком состоянии мы вышли из ментуры, сели в машину и проехали несколько километров в сторону кольцевой дороги. И попали в пробку.

– Да, смешно все получилось, – подала голос она.

Вокруг нас двигались и останавливались машины многочисленных областных жителей, ехавших на работу в город, моросил дождь, монотонно работали дворники, и сквозь радость тело начинала снова охватывать усталость.

– Слава богу, что не грустно, – ответил я. – А главное, не скучно.

– Знаешь, так страшно! Ужасно, что все могло произойти именно так.

– Ничего. Все к лучшему, – зачем-то ляпнул я, с трудом понимая, что именно имею в виду.

– Да. А... ты на работу не опоздаешь?

Вопрос мне как-то сразу не понравился. В нем чувствовались знакомые, привычные интонации, и я снова насторожился. И насторожился вовремя, потому что какой-то торопыга на БМВ вдруг нагло въехал в мой ряд и резко затормозил.

– Опоздаю? Конечно, опоздаю, – ответил я после небольшого ругательства. – Но ты не переживай, позвоню, совру что-нибудь.

– Спасибо, – вздохнула она и уже в который раз набрала номер Витькиного мобильного телефона.

Телефон, судя по всему, был по-прежнему выключен.

– Знаешь, а это как-то неудобно.

– Что неудобно? – начал злиться я. – Ты прошла через такое... Ты чего?

– Нет, Саш, нет, неудобно. Вдруг мы приедем, а он там не один? Как мы будем выглядеть?

– Абсолютно нормально!

– Нормально? Мы?.. Ты ведь не знаешь, какой он иногда бывает. Потом, подумай, где эта Ивантеевка и где сейчас мы.

На этот раз сестра говорила дело. Мы все-таки слишком долго просидели в ментовке, пробки, судя по всему, были уже и на кольцевой, и в славное место под названием Ивантеевка мы могли запросто приехать не раньше одиннадцати.

– Ладно, а где он сейчас работает?

– Не знаю. Сейчас попробую позвонить на старую работу, – отозвалась сестра.

Но на старой работе никто не брал трубку. Мы не сдавались, сестренка звонила по каким-то другим номерам, но те или не отвечали, или, если ей все же удавалось вырвать кого-то из объятий сна, не знали о нашем Витьке никаких последних новостей. Зато их знала сестра, и ей пришлось почти полчаса объяснять каким-то своим разбуженным подругам, что он жив, здоров и какая идиотская произошла ошибка. А на пятом или шестом разговоре села батарейка ее телефона, и в Москву мы въехали в тишине.

– На, попробуй, может, заработает, – предложил я ей свой «Эриксон», отказывавшийся работать после ночных событий. Но и тот не пошел нам навстречу.

– Выключается, – грустно улыбнулась сестричка. – А может, это и к лучшему? Я сейчас в таком виде. Мне... мне надо побыть одной.

– Да-а-а... – выдохнул я. Затем краем глаза посмотрел на нее. Выражение лица сестренки наводило на мысль, от которой на душе становилось еще более грустно, чем тогда, когда мы ехали по этой дороге ночью. Она к нему не придет. Никогда.

Опыт не раз показывал мне, что лезть в дела влюбленных опасно, бессмысленно и, в принципе, неправильно. Любое вмешательство в их отношения сразу делают тебя виновным во всех их проблемах. Впрочем, немного отвлекшись, замечу, что невмешательство тоже не спасает. Но в тот раз мои потуги сдержаться все же помогли, и я очень мягко заметил, что она может поступать как сочтет нужным и что, в конечном счете, решать ей.

Я и сейчас думаю, что сказал тогда в целом верно. Давление на сестренку обычно вызывает прямо противоположный результат. Во всяком случае, если это давление исходит с моей стороны. Хотя потом я все же немного добавил.

– Только учти, – позволил себе мягко заметить я, – ты офигительно красивый, смелый и мужественный человек, поверь мне, я понимаю, о чем говорю. Только ты смелая, если речь идет о ком-то другом, а не о тебе самой. А чем дольше ты будешь ждать, тем будет труднее. Подумай, произошло чудо, реальное чудо, и нужно ловить этот чудесный момент. Здесь и сейчас. Таково мое скромное личное мнение. Всё.

– Отвези меня к себе, я подумаю, – сказала она еще тише. И мой страх перерос в панику. Я решил, что своими речами только порчу ситуацию, поэтому всю оставшуюся дорогу мы не разговаривали.

Оказаться дома и не упасть на постель, не закрыть глаза и не провалиться в сон представлялось мне грубым издевательством над организмом. Однако я не упал и не провалился, а с неожиданной деловитостью и даже педантизмом начал собираться в свою контору. Страх за сестренку вызвал защитную реакцию, и память подсовывала моему уставшему мозгу дела, которые нужно было сделать именно сегодня или еще вчера; список этих дел пух вместе с ним и постепенно вытеснял из сознания проблемы моей нежной родственницы.

– В холодильнике остатки салата, творог и сыр, – перечислял я ей. – Если дозвонишься и уйдешь раньше, чем я вернусь, отдай ключ в двадцать третью, Клавдии Михайловне. А еще лучше – тащи Витьку сюда. Компьютер не включай, он сразу выйдет на «Рейтер», пойдут одни графики. Если будут вопросы, звони, но с половины двенадцатого у меня переговоры...

– Хорошо, – тускло кивнула она, закрывая за мной дверь. – Если будет звонить Марат... скажи, что у меня легкое сотрясение мозга. Упала с лестницы в твоём подъезде, ладно?

– А ты думай, – кивнул я и обреченно побрел вниз по лестнице. – А еще лучше – не думай...

Я рулил знакомой дорогой к офису, и в голову лезли грустные мысли. Собственно, чего мы боимся? Всякой ерунды. Остаться без денег, заболеть, попасть в катастрофу, того, что случится война. А о чем думаем? О том, где заработать, что купить, куда пойти и какое мнение о нас складывается у начальства, клиентов и существ противоположного пола. И так вот живем. Живем и почти не думаем о том, для чего родились, и совсем не боимся, что чего-то не сделаем, не проживем, пройдем мимо. А ведь, казалось бы, так просто – возьми и разверни свой страх наоборот. И – окажешься в реальной жизни.

Я бы не сказал, что вся эта философия сильно отвлекала меня в тот день от работы, но где-то на уровне подсознания размышления на эту тему, видимо, никак не могли остановиться. Поэтому под вечер я не выдержал и сделал то, что запрещал себе делать до этого. Я вошел на сайт одноклассников, залез в раздел своей школы и начал искать Толика. Того самого. Мне почему-то всегда было чувство, что этому человеку очень нужна помощь. И необъяснимое убеждение, что понять и помочь ему могу только я.

С этого все и началось. А что касается сестры... Да, Бог с ней, с сестрой. Надеюсь, она когда-нибудь влюбится.

Куртка Вместо синопсиса

Она понравилась ему сразу. Скромно выступив плечом из общего ряда других и мелькнув где-то на периферии взгляда, она заставила его остановиться. Хотя останавливаться около дорогих витрин с загорелыми и веселыми манекенами, с энтузиазмом спешащими на отдых куда-то в Куршавель или в кругосветный круиз, Дима совсем не собирался.

Он планировал пройти мимо. Он не думал о покупке куртки, тем более такой и в таком месте. Он вообще не собирался покупать одежду. Человек просто шел мимо, денег у него было в обрез, и тот факт, что он задержался около дорогих витрин и разглядывал со вкусом одетые манекены, говорил скорее о том, что в тот момент он просто нуждался в красоте. Элементарной красоте, которой в его жизни было очень мало. Поэтому, ложась на красивые, выверенные дизайнерами витрин складки одежд, профессионально подобранные цвета и сдержанную фактуру дорогих тканей, его глаз всего лишь отдыхал. А немного замедлил шаг он оттого, что автор очередной витрины вложил в свое творение идею путешествий. Путешествий красивых богатых людей, от экипировки которых веет далекими горными тропами, дикими перекачистыми реками и покоем вековых лесов. Каким-то другим миром, по которому эти пластиковые люди собираются совершить увлекательное, чудесное путешествие. Вот тут край его взгляда, видимо, и зацепил этот рукав.

Впрочем, до него не сразу дошло, что это был именно рукав. Просто ему стало интересно, и Дима зашел внутрь. Так он тогда это понимал. Зашел, провел взглядом по рядам правильно расположенных вешалок, застывших в лучах хорошо продуманного света, и только тут осознал – вот то, что он хотел рассмотреть.

Да, пожалуй, то. Дима повертел рукав из прочной высокотехнологичной ткани очень красивого цвета. Здорово. Да, это оно.

– Хотите посмотреть? Вас какой размер интересует? – поинтересовалась продавщица, высокая девушка с лицом студентки, у которой пятерки по всем точным наукам. Видимо, она отвлеклась или просто не разглядела Диму внимательно.

Хотя и не очень внимательного взгляда было достаточно, чтобы понять: человек в таких брюках, таких ботинках и в пальто такого цвета мог забрести сюда только случайно. Мало того, оказаться в этой части города он мог тоже только по ошибке. Но он оказался. Приехал на собеседование по поводу работы, а начальник был занят, а секретарь попросил его подождать полчаса, затем еще час, и Дима пошел побродить по округе.

– Меня? Пятьдесят второй, – зачем-то сказал Дима.

– Сейчас посмотрю, – улыбнулась девушка и упорхнула куда-то вглубь зала.

Вот ведь попал, стиснул зубы Дима. И со страхом посмотрел на этикетку. Девять с половиной тысяч! Это же больше трехсот долларов. Да он сейчас и за месяц столько не зарабатывает! К тому же платить за квартиру в далеком Подмоскowie, ремонтировать машину и вообще на жизнь Диме нужно было столько, что о покупке какой-либо одежды для себя ему следовало забыть. А он заперся в этот дорожный отдел и теперь будет краснеть. Нет, бежать отсюда, срочно бежать, пока она не вернулась.

Дима повернулся, чтобы уйти, и тут увидел точно такую же куртку на манекене в другом конце зала. Нет, я ее все-таки рассмотрю, набрался наглости он. Может быть, когда-нибудь он увидит на рынке что-то похожее и у него будут соответствующие деньги. Теперь он хотя бы будет знать, что искать.

А ему действительно не хватает именно такой штормовки. С достаточным количеством карманов, удобным кроем рукава, высоким воротником, спасающим от ветров. Дима обо-

шел вокруг куртки, потрогал ее застёжки, почувствовал пальцами мягкую дорогую мембрану. Во всем этом был целый мир. Мир красивой мужской сказки с далекими нехоженными тропами, пихтами, отражающимися в глади таежных озер, долгожданным ужином у костра. И чувство усталой удовлетворенности собой и прожитым днем.

– Вот, но цвет, к сожалению, только один. Это коллекционная вещь. – Продавщица стояла около Димы с точно такой же курткой, точно его размера, в чем он был почему-то совершенно уверен.

Коллекционная вещь оказалась на редкость легкой. Незаметно, но тщательно проклеенные швы, клапаны для вентиляции, почти невесомая термopодкладка. Померю и скажу, чтобы отложили, осенило Диму. Сошлюсь на то, что нужно поменять деньги, не взял с собой кредитную карту. В конце концов, он что, померить не может?

Куртка сидела идеально. Она не стесняла движения и нигде не висела мешком. Мало того, в ней и тело чувствовало себя по-другому. Расправились плечи, подобрался наметившийся живот, и даже ноги уверенней встали на землю. Дима повернулся направо, налево. Перед ним в зеркале стоял совершенно другой человек. Спокойный, уверенный, самодостаточный, за плечами которого тайга, горы и далекие, как сказка, острова. А ведь кто-то ее купит!

– Замечательно! – сказала девушка. – Я, конечно, не уговариваю, но этот экземпляр словно ждал вас.

– Да, нормально, – нахмурился Дима. И вдруг подумал, что в этой куртке совсем не следует хмуриться девушкам, и, улыбнувшись, добавил: – Мне очень нравится.

– Да, удивительно... – улынулась в ответ та.

Но праздник заканчивался, и суперподходящую куртку нужно было снимать. Прощай, куртка, тебя купит какой-нибудь богатый жлоб и будет раз в год надевать на своей квадратной загородной даче, когда снизойдет пообщаться с садовником или дворником. Или просто прокатиться на джипе.

– Отложите, а я... Я пойду поменять деньги, – сказал Дима, отдавая замечательную куртку продавщице. И со вздохом надел свое тяжелое, неудобное и пахнущее электричкой пальто. Что ж, добро пожаловать назад, в реальность.

– Обменник не работает, – послышалось сзади.

Дима обернулся. Крепкий и явно не бедный мужчина лет пятидесяти пяти – шестидесяти вертел в руках легкомысленную спортивную шапочку с помпоном.

– Да... очень обидно, – испугался он. Сейчас этот богач еще предложит ему поменять начисто отсутствующую у Димы валюту. Что тогда делать? – Придется вернуться в офис, – начал лихорадочно сочинять он. – Вы, девушка, отложите, пожалуйста, отложите...

– Не надо ничего откладывать! – решительно заявил неизвестный и внимательно посмотрел на него. – Вы из бизнес-центра? С восьмого этажа? Я вас там видел. Вот моя визитка, а вот, – повернулся он к продавщице, – моя кредитка. Я плачу за эту куртку, ну и вот за эту шапочку.

– Да нет, зачем?! – запротестовал Дима. – Не надо, вы чего?

– Простите, – развел руками мужчина. – Я не хотел вас обидеть. Просто я немного разбираюсь в одежде такого рода. И вы, – он заговорщицки подмигнул, – вы, я вижу, тоже. Ну и чего тогда церемонии разводить, а? – воскликнул он и весело хлопнул Диму по плечу.

Куртку упаковали в красивый пакет с яркой экстремальной картинкой, и, когда Дима вышел из магазина, ему казалось, что все только и смотрят на этот пакет в его руке. Возвращаться на собеседование он не стал – боялся столкнуться в бизнес-центре с тем добрым человеком. Врать ему что-то еще было мучительно, поэтому Дима вынул старый мобильник и на последние деньги наврал секретарше занятого начальника, что его срочно вызвали на старую работу. А сам пошел к вокзалу.

По дороге он думал, как он докатился до такой жизни. Где он ошибся? Что сделал не так? Где не поднажал? Ведь и тот занятой начальник, и этот добрый пожилой экстремал – они ведь тоже с чего-то начинали, но где сейчас они – и где он? Хотя... Хотя у него теперь есть эта куртка! Классная куртка, спору нет, хоть что-то греющее душу.

Когда-то у Димы была малогабаритная квартира в Москве и работа в НИИ. Но начинался капитализм, и жена стала ставить ему в пример разных знакомых и не очень знакомых людей, которые ушли в бизнес. Ушел и Дима. Но вышел неудачно, поэтому и квартира в Москве, и возможность нормальной работы остались в прошлом. А в настоящем были случайные заработки, бомбление на старой убитой «девятке» и недовольная до истерик жена в однушке на окраине далекого подмосковного городка. И страх, что встретит тех, кого он когда-то подвел, с кем не смог рассчитаться до конца, с кем ему очень стыдно будет увидеться. И никаких перспектив. Специалисты по микросхемам давно не нужны, Димины способности как менеджера оставляли желать лучшего, и даже машину он никак не мог отремонтировать, поскольку, хотя и был по образованию инженер, в технике совершенно не разбирался. А единственно возможный прорыв – устроиться на постоянную коммерческую работу в Москве – если смотреть правде в глаза, выглядел не более реальным, чем перспектива стать космонавтом.

Но люди в таких куртках не сдаются, сказал себе Дима. Сказал, возможно, потому, что на улице стояла весна, светило забытое за долгую зиму солнце, а глубокое голубое небо звало куда-то вдаль. Звало уже которую весну, а он все копался в какой-то ерунде. Которая затягивала все больше и больше. Эта ерунда, заполнявшая его бытие, с каждым годом отращивала все большие невидимые, но цепкие руки-щупальца, которые держали его, и чем интенсивнее он барахтался в этой жиже мелких дел и дешевых проблем, тем больше давили и держали. Но солнце светило, небо ошеломляло своей бездонностью, а легкая, почти невесомая куртка в красивом пакете придавала мужества.

И он позвонил Сашику. Сашик был его другом детства, человеком, с которым Дима когда-то попадал в традиционные мальчишеские переделки, потом ходил в походы, тащился за девчонками из соседнего техникума – другими словами, делал то, что и следовало делать в том возрасте. С Сашиком все это казалось не таким страшным, и после нескольких рюмок Дима любил вспоминать, как они путешествовали на трехколесных велосипедах, прыгали на стройке с третьего этажа, дрались с гопниками, лазили по пожарной лестнице в женское общежитие и несколько раз даже сплавлялись по порожистым северным рекам.

Потом все это кончилось. Сашик женился, развелся, уехал на Север, вернулся и ушел в какую-то свою жизнь. Дима тоже ушел в свою, но она, скажем прямо, не задалась. Она была неуютной и несуразной; все в ней происходило не так, как он планировал, не так, как он хотел, и вот теперь они не виделись уже несколько лет. И, если бы кто-то в тот момент спросил его: «Когда ты, Дима, был более всего счастлив, более всего был самим собой?» – он бы без колебаний ответил: тогда, в детстве.

И дело, конечно, не в Сашике. Конечно, тот был человеком, для которого жизнь не являлась проблемой. Он всегда находил выход, у него всегда получалось задуманное, его любили женщины, и он всегда знал, как раздобыть деньги. Но там, на порогах и под проливным дождем, когда руки, держащие весло, сводило от усталости, Дима чувствовал, что и у него что-то получается, что он может противостоять натиску жизни, что он может бороться и побеждать. Эх, вернуться бы туда назад, ощутить все это еще раз! Или... взять, распаковать эту куртку, надеть на себя и явиться сейчас к Сашику? Словно с далекой таежной заимки...

Мысль, как это следует из ее содержания, была бредовой, а вероятность, что Сашик свободен, если вообще находится в Москве, – близкой к нулю, но как знать, может быть, именно это обстоятельство и двигало Диминым подсознанием в тот момент, когда он искал в телефонном справочнике его номер.

– Ого, Димик? – удивился Сашик. – Да ты, старый, телепат!

– Сань, привет! А я думаю, дай тебе позвоню, – тихо обрадовался он.

И тут, как в сказке, выяснилось, что Сашик рядом. Он застрял в пробке на Сухаревке, жестоко опоздал, отменил встречу и, узнав, что Дима недалеко от трех вокзалов, предложил вместе перекусить.

– Нужно же иногда на все плевать, когда вокруг такая хренотень происходит, а? – резюмировал он.

Они встретились в суши-баре на Сретенке. Все двадцать минут, прошедшие после звонка, Дима пытался следовать Сашикову совету. Это почему-то показалось таким гениальным – послать все по правильному адресу и встретиться с другом. Просто так, чтобы увидеться. А, гулять так гулять! И Дима, чувствуя себя героем и нарушителем всех запретов и норм, надел куртку. Просто вынул из пакета, оторвал этикетки, разложил по ее карманам телефон, деньги и документы и надел, точно отрегулировав шнурки и застёжки. И тронулся по улице.

Это было классно! Тело словно проснулось, оно стало легким и не уставшим, а его движения – простыми, правильными и не напряженными. Странно, этого не было так давно, но они были даже в удовольствие. Но самое главное, он вдруг почувствовал себя собой. Это может звучать смешно и глупо, но, видимо, произведение скандинавских дизайнеров и тайваньских рабочих выражало что-то его, Димино; подчеркивало нечто сокровенное и, может быть, даже главное, что было в нем, но никак не могло пробиться наружу. Куртка делала это внутреннее видимым для других, и другие, как показалось Диме, это оценили. И, возможно, все то время, пока он шел до Сретенки, невидимые руки-клешни стали держать его слабее. Для этого мельтешащего и кишашего мира, мира центра большого города, он теперь был не просто ничем не примечательной фигурой в мешковатых брюках и дешевом муляже полупальто, а собой, Димой. Тем, кем он хотел себя сознавать, тем, чье отношение к миру выражено именно этими складками, этим силуэтом, этой мягкой, но в то же время непродуваемой и непромокаемой оболочкой. И даже девушки, встретившиеся на его пути, смотрели на него как-то по-другому. Короче, мир стал играть другого Диму, и ему это нравилось.

– Привет! Здорово! Что тебе заказывать? – взлетела из-за стола легкая складная фигура Сашика в элегантной темной водолазке.

– Да ничего, я только зеленого чая выпью, – замялся тот.

– Чая я тебе уже заказал, и давай не выпендривайся. Что я, один жрать буду?

Сашик был растроган встречей и сентиментален. Он тихо травил анекдоты, вздыхал и мечтательно обещал забить на все.

– И забей, – неожиданно для себя ввернул Дима. – Я тоже готов... Ну, в смысле поддержать компанию и вообще. Правда, мне сейчас и забивать, в сущности, не на что....

– Да? – расстроился Сашик. – А ты не парься. И я не в плюсе. У меня же все баблосы в недвижимости. А это сейчас такая жопа, такая жопа! – И, на мгновение задумавшись, тут же нашел выход: – Я знаю, что нам надо! – заявил он, и его свободная от палочек рука потянулась к мобильнику.

– Слышь, а ты чего такой малохоленный? – поинтересовался он у своего невидимого собеседника. И, с полминуты послушав его объяснения, заключил: – Это все хрень. Мы тут все уже придумали. Как что? Вечером объясню. Давай в десять в избе, подгребай, перетрем. И Веню бери. Будем вас конкретно вытаскивать.

– Я... я в десять не могу, – испугался Дима. И приготовился было объяснять, что машина сломалась, последняя электричка уходит в половине одиннадцатого и что жена убьет, но осекся, неожиданно увидев свое отражение в стеклянной двери. Вот он сидит в центре Москвы, с виду бывалый экстремал, рядом не менее бывалый и состоявшийся друг, а он плетет ему... какую-то жалкую чушь!

– Или... ты думаешь, стоящая мысль? – спросил он Сашика.

И Сашик, засунув в рот сашими, лаконично кивнул.

Место, которое указал Сашик, называлось «Изда деда Василича». Оно скромно, но стильно выходило крыльцом на бульвар и, судя по маркам стоящих рядом машин, пользовалось успехом у людей совсем не бедных и, что радовало, довольно продвинутых. Увешанный люстрами «Хаммер» соседствовал со спортивным купе, а большой черный «мерс» стоял рядом с маленьким «жуком». Но, судя по количеству народа внутри, многие были тут вообще без машин.

– Добрый вечер, – вежливо улыбнулся натренированный парень в скромном сером костюме. – Вы заказывали место?

Дима радостно улыбнулся в ответ и сообщил парню свою фамилию и имя.

– Очень рады видеть вас сегодня у нас, – пропел тот и повел Диму по лабиринтам между столиками. – Приносим вам извинения, у нас не работает отопление, поэтому прохладно и... в общем, куртку сегодня лучше не снимать.

– Ерунда, – обрадовался Дима и тут увидел Сашика в компании двух парней богемного вида и красивой девушки.

У парней были удивительно знакомые лица. Их звали Вениамин и Федор. Вениамин, которого Сашик звал то Веней, то Веником, был кругл и почти все время доброжелательно улыбался вне зависимости от того, что попадалось ему на глаза; Федор же был худ, кучеряв и, казалось, то ли раздражен, то ли нервничал, словно минуту назад проиграл в карты родовое имя. Девушка же была просто красива и тихо изучала меню.

В компании чувствовалось небольшое напряжение. Парни что-то ждали от Сашика, но Сашик игнорировал их вопросительные взгляды и был погружен в свой электронный органайзер, поэтому за столиком установилась странная беседа о погоде и неработающем отоплении. Появление официанта не разрядило напряжение, а скорее наоборот. Все заказали себе текилы, Сашик решил съесть омлет, а Дима зачем-то попросил жасминового чая.

– Мне, пожалуйста, тоже, – сказала девушка, и снова установилось молчание.

– Значит, так! – Сашик оторвался от своего смартфона так неожиданно, что Федор и Дима вздрогнули. – Вот! – торжественно объявил Сашик и продемонстрировал всем экран своей электронной машины.

– Чего «вот»? – не понял Федор. На экране был длинный список продуктов, который замыкали двадцать пять бутылок водки.

– Не волнуйся. Продюсирую я, – успокаивающе выставил вперед руки тот.

– Да? – обрадовался Вениамин. – А есть что?

– Экспедиция, – сказал Сашик. – Паводковая река на севере Валдая. Экстрим, костер... все что нужно. Все остальное по ходу. Главное, с нами идет Димик, – неожиданно указал он. – Но это вы поймете и оцените потом. Впрочем, он, собственно, нас и поведет. Заодно.

– Я? Заодно? – удивился Дима.

– Возражения следующим пунктом! – отрезал Сашик. – Короче, пять или шесть дней, ночуем в палатках, минимум удобств, никакой страховки, все натурально. Итак, кто еще нужен для полета?

– А тема? – не понял Федор.

– Отдых! – удивился Сашик. – Попутно изучение родной страны.

Девушка достала блокнот и стала что-то записывать, Веник затеребил подбородок.

– Понял, – неожиданно обрадовался он. – Мы пять... нет, лучше семь дней плывем, то есть идем, и все-все записываем. А потом делаем из этого... А что, отлично! – поддержал он Сашика. – Мне нравится.

– Тогда, Дим, следующий шаг за тобой, – сделался серьезным и значительным тот. – С тебя список экипировки, смета, вариант маршрута, время и прочее. Сколько тебе нужно на проработку?

И Дима понял, что, как и много лет назад, Сашик втянул его в какую-то авантюру.

В ту ночь Дима ночевал на вокзале. А на следующее утро поругался с женой.

– Все! Я больше так не могу, – объявила она. – Ты вообще соображаешь, что ты говоришь или нет?! Нет, ты уже ничего не соображаешь! Я вкальваю с утра до ночи, в семье денег ни копейки, а этот... – не могла найти подходящего эпитета она. – Знаю я все эти ваши экспедиции! И Сашика твоего я насквозь вижу. Я что, не понимаю, куда ветер дует? Совсем охренели! В общем, так: мне это все надоело. Хочешь быть бомжом – будь им. Катись и не возвращайся!

И Дима оказался в гараже.

Пахло машинными маслами, пылью, грязью и бензином. Из всего этого возникала какая-то присущая только гаражам атмосфера веселой безысходности. Только Дима отчего-то не чувствовал никакого веселья, зато все остальное заполняло душу тоской, а отсутствие перспектив дополняло эту тоску отчаяньем. Грязные тряпки, полупустые канистры из-под жидкостей, старый багажник и перепачканная одежда. Наверное, если бы Господь Бог взглянул на него, Диму, из своей вышины и заглянул ему в душу, таким же бардаком его душа предстал бы взору Всевышнего. И только в дальнем углу, как остров чего-то родного, Всевышний заметил бы старый самодельный рюкзак. Обломок настоящей жизни, его жизни.

Дима попробовал стряхнуть пыль, залез внутрь. Сапоги от ОЗК, гермопакет, пенка. Нет, он сходит с Сашиком, а потом...

«Девятка» с наполовину разобранным двигателем, винты и гайки, отмокающие в баночках с бензином. Нет, жить тут совершенно невозможно. Хотя на самом деле все еще хуже. Жить в этой стране, да и, видимо, вообще на Земле практически невозможно.

– Сань, а мы когда пойдем? – с надеждой спросил он по телефону Сашика.

– Когда? Это ты меня спрашиваешь? А ты вообще где? – неизвестно чему возмутился тот.

– Я... в районе Сергиева Посада.

– Да? А ты знаешь, кто с нами идет? Еще один комплект снаряжения VIP-класса. Размер я тебе сообщу. Поедешь в «Экстрим» или еще куда там и купишь. А ты чего, собственно, не в Москве?

– Дела, – вздохнул Дима. – Гнусные и мерзкие дела...

– Дела! – вскипел Сашик. – У меня тоже дела! Мы с Веней три часа сидели в Госдуме с этим перцем, а ты... Бросай все на хрен и включайся, помогай давай, понял? – И так же неожиданно, как вспылит, доверительно добавил: – В общем, Дим, байда и все походные шмотки у меня на старой квартире остались. Может, ты посмотришь, а? Ну, и докупишь исходя из нашего состава. Можешь там и заночевать, чтобы зря не мотаться. Ведь выходим в начале следующей недели.

«Ура!» – мысленно закричал Дима и поехал в Москву.

Старая квартира Сашика была действительно старой, как и весь дом дореволюционной постройки. Некогда роскошные большие квартиры перегородили на несколько совсем не больших, и из парадной, с широкими лестницами, громадными арочными окнами и изысканно красивыми плитами пола, вы попадали в узкий коридорчик, где одна из четырех дверей шла в однокомнатную квартиру, весь размер которой, судя по окнам, был примерно равен размеру комнаты этого дома, как ее когда-то задумал архитектор. И, видимо, не самой большой. Вот в этих апартаментах когда-то и жил Сашик.

– А классный дом, – попытался польстить Сашик Дима, заходя внутрь.

– Был когда-то, – согласился Сашик и начал двигать мебель. – Был, пока совковые строители не приложились. Знаешь, у меня мелькала мысль выселить тут всех из этих клетушек и сделать нормальную квартиру, но это оказалось – такой геморрой, такой геморрой! – Сашик сделал плавный рывок и вытянул из-за шкафа громадный чехол от туристической байдарки.

Из последовавшей за этим речи следовало, что внутри чехла отличное судно, но его надо бы попытаться собрать. Так, на всякий случай, чтобы проверить, не сгнило ли чего. Затем за Димой заедет машина, которую пришлет Федор или кто-то из его ребят, и он будет закупать все остальное. Вот по этой кредитке. Затем составит точный график движения, уложит вещи, а он... он пришлет кого-нибудь тут прибраться и вообще помочь. В общем, кажется, все, а он будет на связи. Привет!

И только после того, как дверь за Сашиком захлопнулась и Дима сделал два или три бессмысленных круга по квартире, до него наконец дошло, что ближайшие несколько дней он может прожить как нормальный человек.

Это было здорово. Дима стал готовить поход-экспедицию и погрузился в этот процесс с таким энтузиазмом, на который он, как ему казалось, был уже не способен. Пока три крупные тетки, присланные Сашиком, наводили порядок в квартире, он купил карты и выбирал маршрут. Затем полночи безуспешно пытался собрать извлеченную из чехла старую самодельную байдарку, но в результате только поломал в ней кильсон. А в девять часов его разбудил по мобильному ласковый женский голос, сообщивший, что машина скоро будет у подъезда.

В машине Диму ждали водитель и та девушка, которую он видел в компании Федора и Вениамина. Девушку звали Авдотья, и два следующих дня они ездили по магазинам, покупая все необходимое.

Авдотья оказалась серьезной и деловой особой. Тем не менее Дима был вдохновлен ее присутствием. Такой симпатичный помощник, излучающий интерес ко всему, что говорил Дима, и к тому же на прощание неизменно весело целующий его в щеку, удвоил, а может быть, и утроил его энтузиазм. А на третий день Сашик не выдержал и присоединился к ним, чтобы купить новые байдарки.

Это было очень кстати, поскольку сам Дима не очень хорошо разбирался в таких предметах, которые нужно собирать и разбирать. Они нудно и долго мотались по магазинам для экстремальных видов спорта и подвалам, где располагались какие-то мастерские, где Сашик мучил продавцов и менеджеров непонятными вопросами и придирчиво щупал разные материалы, из которых были сделаны шкуры лодок. Но в конце концов выбор был сделан, и они отметили покупку в каком-то студенческом ресторане на Юго-Западе. А в конце вечера Сашик позвонил Федору и сообщил, что с ними едет Чаадаев.

– Вот так! – значительно сжал губы Сашик. И, судя по восторженному лицу Авдотьи, Дима понял, что эта новость является очень важной.

– А кто это? – спросил он, отпивая глоток кьянти.

– Ты чего? Старый, я не понимаю, ты чего? – воззрился на него Сашик и тут же пояснил Авдотье: – Этот парень живет в каком-то другом мире. Ты что, совсем не слушаешь радио? Политикой не интересуешься, на выборы не ходишь, да?

– Ну, хожу, – стал оправдываться Дима и тут вдруг понял, о ком идет речь.

– Ну, вице-спикер, председатель Совета по развитию. Будущий президент, по мнению кое-кого, между прочим, – подтвердил его догадку тот.

– А чего... А он это... Он когда-нибудь вообще того... ну, ходил? – выпалил Дима, вспоминая все, что он знает об этом человеке.

– Ходил. Правда, давно, – задумался Сашик. – Но ничего, проведем его по троечке, он вроде мужик спортивный. И главное – для него никаких поблажек. В этом вся фишка!

– А... вдруг он не пьет? – зачем-то спросил тогда Дима.

Семь суток экспедиции запомнились как один большой, трудный, веселый и интересный день. Их было восемь человек. Кроме Димы, Сашика, Вени с Федором, Авдотьи и Чаадаева, с ними пошли два молчаливых спортивных парня, которые, по замыслу Сашика, должны были снимать об их путешествии фильм.

– Скажи что-нибудь для вечности, – попросил он Диму, когда байдарки были собраны и сто грамм за успех мероприятия покоились в желудке.

И Дима, глядя в поблескивающий в лучах весеннего солнца объектив, закатил речь.

Она началась просто и, как ему впоследствии показалось, безыскусно и даже банально.

– Итак, мы в глухой провинции, – решительно заявил он. – До ближайшей асфальтированной дороги тридцать километров, до Москвы – шестьсот двадцать пять. Здесь не работают сотовые телефоны, видимо потому, что почти нет людей: плотность населения в пять раз меньше, чем та, которая была здесь сто лет назад. Дорог здесь тоже нет. И, видимо, не было. Но они нам и ни к чему. Наш путь особый, он идет по дороге, которая существовала здесь еще до того, как какой-то хитроумный гомо сапиенс изобрел колесо. Эта дорога – река Катуча. Сейчас, в высокую воду, по ней можно идти от этого места. С холма, на котором мы сейчас находимся, не виден наш маршрут. – Дима простер руку в сторону реки. – Он весь там, впереди. Перекаты и порожки, крутые берега и тихие заводи, поросшие камышом. Сто километров всей этой прелести, затем волок и еще около ста километров по другой реке. И мы, и вы – в общем, все мы скоро все это увидим. В той последовательности, в которой река покажет нам это. А теперь состав нашей экспедиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.